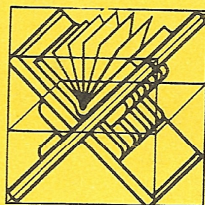
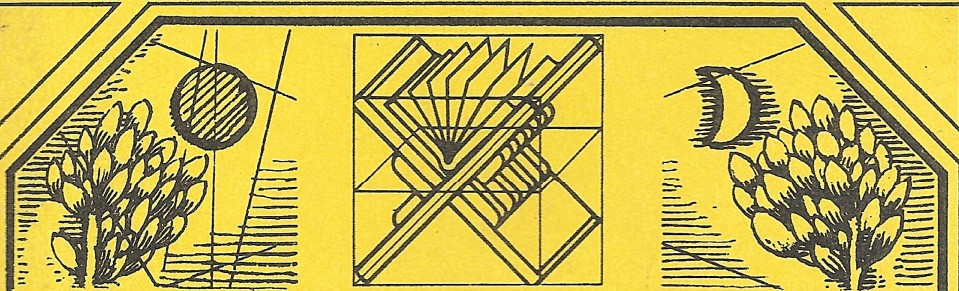

3р.

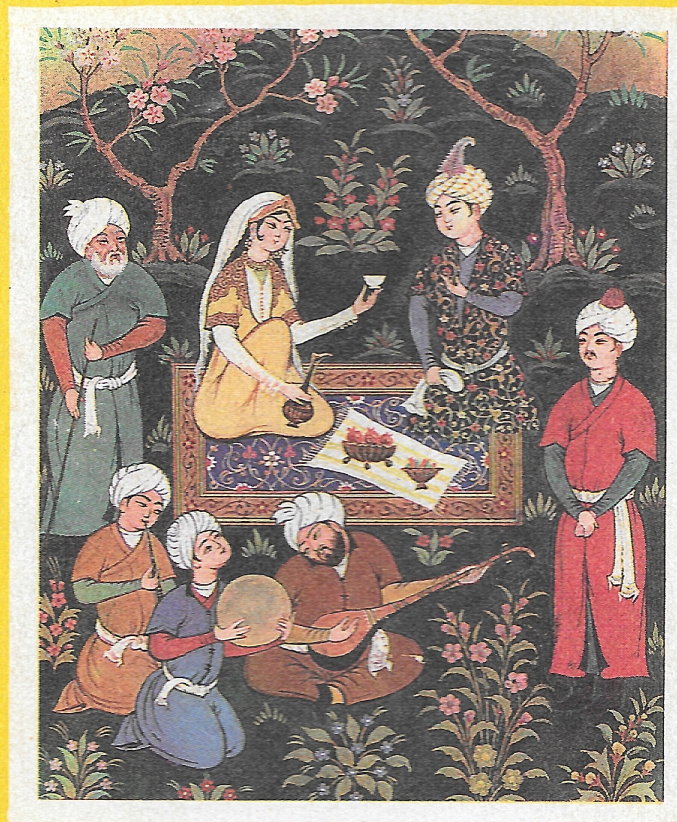

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

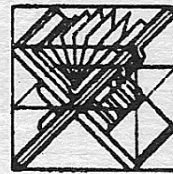
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

БЕДИЛЬ
ПАХЛАВАН МАХМУД
рубай

Издательство литературы и искусства им. Г. Гюлями

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

БЕДИЛЬ

ПАХЛАВАН МАХМУД

Рубаи

Перевод с фарси Александра НАУМОВА

М.М. Воронский 1987

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1991

Автор предисловия
А. Наумов

Составитель
Ш. Шамухамедов

Мирза Абдулкадир Бедиль, великий персоязычный поэт Индии, родился в 1644 году, и время его жизни приходится на эпоху медленного заката блистательной поначалу империи Великих Моголов — эпоху, когда становились все отчетливее видны витки и закономерности круговорота, которому подвержены люди и общества. Бедиль прожил долгую жизнь — около восьмидесяти лет, умер в 1721 году — и оставил громадное литературное наследие, споры вокруг которого не замолкают и сегодня. Оно породило, в сущности, целую отрасль восточной литературной науки — на наш лад ее назвали бы «бедилеведением». Дело в том, что за Бедилем издавна закрепились слава одного из самых сложных поэтов; стиль его, его строки и страницы до предела насыщены образами, мысль, как луковица, зачастую одета во множество метафорических одежд. Может быть, поэтому любят говорить о «загадках» Бедилия. Но он загадочен не более, чем любое живое явление. Да, живое и сегодня, три столетия спустя. В этом, по крайней мере, все согласны, как и в том, что слава одного из величайших поэтов Востока, пришедшая к нему при жизни, остается за ним и по сей час.

До сих пор русскому читателю была известна главным образом его небольшая поэма «Комде и Модан», отдельные стихотворения. Теперь ему предстоит познакомиться с рубайятом Бедилия. Избранным рубайятом — в этой книжке представлено немногим более четырехсот рубай, а поэт оставил их около четырех тысяч, и лучшие из них — по своей образной силе и афористической четкости, по своей глубине, эмоциональной насыщенности

и словесному мастерству — не имеют себе равных во многовековой восточной поэзии, если не считать родоначальника жанра — Омара Хайяма.

Первое, что поражает при знакомстве со многими рубаи Бедия, — это их активная «современность», «актуальность»: кажется, они написаны не два с половиной века назад, а вчера, сегодня. Но и здесь нет «загадки»: как и всякий подлинно большой поэт, Бедиль задевал, поднимал коренные вопросы бытия, проблемы становления и упадка человеческой личности, стремился раскрыть и поэтически сформулировать «законы общежитий», о которых говорит в одной из своих строчек — словом, все то главное в нашем потоке осмысления жизни, что не устаревает никогда; вопросы, которые приходится снова и снова ставить и решать для себя каждому поколению.

Грустные и улыбчивые, саркастичные и трагические, вызывающие вздох сочувствия или ярость соперничества, рубаи Бедия читаются как дневник, пусть и без дат — дневник великой личности, исповедь великого поэта, современника человечества.

Эта книжка — в сущности лишь зачин нашего нового знакомства с Бедилем — знакомства, которое, в процессе могучего культурного общения советского и индийского народов, будет, конечно, продолжено.

На свете, где сады, и поле, и трава,
где каждая краса по-своему права,
пшеницу я спросил: «Что ж не раскроешь очи?»
Ответила: «Увы, увижу жернова...»

Дорогу бытия борьба и горе метят.
Иначе жизнь прожить нельзя на этом свете.
Пока мы среди людей, бежать от них — беда:
общенье — жизни дар,
а разобщенье — смерти...

Беда, удача — что ни встретишь кряду,
лишь хмель твоих поступков многократных.
Кого возвысил — вознесет тебя.
В одном кругу — деянья и награда.

Тот мед, что не сладит — ступает желчи вслед.
Тот глаз, что поглядел, но не увидел — слеп.
Одежда, над какой не властны моды — саван.
Жилище, что вовек не знает смены — склеп.

Бедиль, как сократилось пониманье!
Ковер ума на глупость поменяли.
Ждут от меня красивых пустячков...
Пиши я эдак — чем бы поминали?

В пустейшей голове пируют неспроста
сто вздорных мыслей — или больше ста.
Душой бесплодной заправляет праздность.
Вино пустой бутылки — пустота.

Гордыня, зависть, злость — где нажиты людьми?
Кто этому учил — и учит в наши дни?..
Давно шайтана нет — но над его могилой
шабаш его бесчисленной родни.

Я тот, чье сердце не устанет биться,
чего хочу — должно однажды сбыться.
И хоть стою на месте, как свеча —
зато другим не дам с дороги сбиться.

Где сердце, что услышало бы пени
растоптанной травы, безгласного терпенья?
Где очи, что оплачут муравья,
хоть смерть его увидеть не успели?

Что горечь этих дней нам грудь не рассекла
и червь сомненья цел — стократная хвала!
Что в миг стыда, когда мы превращались в жижу —
не выставили нас лихие зеркала...

Не мучься, о Бедиль, сознанием здешней доли —
в неведение играй
иль вздор неси бредовый.
Что, кроме дыма лжи, здесь, в этом доме, есть?..
Закрой на все глаза — иль прочь беги из дома.

Под этим блеском всем — терзанья, грязь, тщета.
Не станет чистота
здесь предъявлять счета.
Владыкам сим под стать грести зловонный мусор
да подбирать навоз бредущего скота.

Когда очистишь зеркало от пыли —
в нем красоты отыщешь избылье.
Не так ли ждет и зимняя земля,
чтоб ей весну послать не позабыли?

Желаньем пренебречь — кто мог на этом свете?
Свобода духа здесь — пустой мираж столетий!
К чему ни прикоснись, всем жаждешь обладать.
Как дух освободить —
и сбросить путы эти?..

В зеркало дружбы превращаешь злобу,
когда ты мягкость сообщаемь слову.
Рождают распрю плети вздутых жил
и грубой речи тон беспрекословный.

Все части в нашем теле так связали —
не видит глаз, что остается сзади.
Забиться же о том, что впереди —
кроме кончины,
медлящей в засаде.

Хотя, Бедиль, ты ведал, что избранник —
но чар своих не выхвалял в собраньях.
Хвала аллаху, скромность сохранил —
не стал мишенью зависти и брани...

Смотри, Бедиль: в блаженстве и в беде
покой — мираж. Движение — везде.
Взлетает пыль,
недвижный корень в почве
всем протяженьем тянется к воде...

Вглядитесь в мир, острейшие умы:
разгул — честней затворнической тьмы.
Отриньте стыд пустого маскарада,
где маски —
бороды да белые чалмы.

С тех пор, как бытия блеснули зеркала,
взманили каждого иных существ тела.
Кто ближних разглядел?
Кто в суть свою всмотрелся?..
Пел розе соловей, та — ветра вздох пила.

Здесь, в море мира, где грозит очам
всечасно месть —

не прибегай к мечам.

Тут каждый вал тугим натянут луком,
любая рыба — полный стрел колчан.

О слепоте судьбы легенд не собирай.
Меж благом и достатком выбирай.
Шайтан не зря обрел ярмо проклятья,
не зря Адам навек утратил рай.

О бодрствующий дух, беги от грязи прочь — и
завесу хвастовства не опускай на очи.
Зачем тебе парча, и бархат, и шелка
из этой мастерской, что ткет подобья ночи?

Пусть алчущей толпе барыш все новый нужен,
пьянит их днем вино, что могут дать на ужин —
погонею, Бедиль, себя не утруждай:
что пользы нити от
нанизанных жемчужин?

Где мера для присущего — и сути,
связь между формой — и вином в сосуде?
Земля на рыбе, рыба — в облаках...
И верите?

Ведь вздор, не обессудьте...

К блаженству путь во мраке и разрухе —
лишь пониманье и согласие в друге.
А прячешься за стражею ресниц —
останешься один в бессонном круге.

Здесь, в мире, где игра — неверный утешитель,
на свой короткий срок покой найти спешите!
Лишь мудрость доброты извлечь из вер любых,
а изо всех наук — законы общежитий...

Сочится кровь с ресниц —
иди в поля тюльпанов,
льешь слезы — стань под дождь
из туч весенних пьяных.
Жестокою беду лечи подобьем бед:
колючкою — мозоль, боль сердца —
жженьем в ранах...

Ослиным головам —
    что в песне счастья скромной?
Их радость — подражать
    царям с их вечным громом!
Покуда барабан вконец не оглушит —
иной у них мотив не зазвучит под кровом...

Кто алчет лишь богатств на мрачном свете этом —
самодовольством собственным согреты.
Но весь их жалкий рой — ночные светлячки:
чуть только минет ночь —
    они лишатся света!

Тебя,
    что хлеб себе на углях душ испек —
как не расплавил стыд, как не наставил бог!
Ведь чтоб и впредь ты мог полакомиться медом,
под тыщей нищих крыш лишились даже крох.

То речи посвятим заботам пропитанья,
то перечень забав стократно числить станем...
Беседы эти длим, покуда не уснем!
До смерти говорить об этом не устанем.

Ходжа, твой срок истек! Истает сгоряча
сиянья твоего, могущества свеча,
И сколько длиться мог весь этот блеск случайный?
О жалкий светлячок! Грядет рассвета час...

Нет блага в суете — лишь призрак эфемерный.
И мудрость прах взметет,
    вздохнув над слоем скверны.
И где ты ни ступи — тут счастья нет, в степи:
езде вздымают пыль шажки какой-то серны...

Идуший мимо мир, хотя вбирало жадно,
все ж сердца зеркало в себе не удержало.
И минул миг весны — не видело его,
искало в жизни суть —
    и с этим оплошало...

Всех дэвов, пери всех, что славны чудесами —
мы выдумали их и все им приписали.
Воображеньем жив наш, человеческий дух,
и духи эти — плод воображенья сами.

Познания пути — в зигзагах вечных.
О том, что рядом, спросишь — не отвечу.
Что тайны недр, когда самой свече
извечно темен
                    собственный подсвечник!

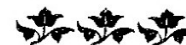
Зерно раскрылось, кончив с долгим сном,
пустило корень в сумраке земном.
И, так своей и не постигнув сути,
вновь обернулось в колоске
                    зерном.

Найти покой души — вот цель, Бедиль, твоя.
Но сыщешь ли покой, пути к нему торя?..
Так в зеркале себя порой увидев, люди
с тоскою говорят:
                    «Неужто это я?..»

Любой и дух, и ум борьбе за жизнь покорен.
В любой слезе — намек, прищур в любом покое.
Без корня не растет ничто в саду весны.
Ведь даже и мозоль — и та имеет корень.

Мы цену благ мирских, пока живем — завысим.
Спокоен — кто от них нимало не зависим.
Как обувь узкая сулит ступне мозоль,
так узы алчный взор
                    сулит душе и мыслям.

Святоше стать святым и вправду будь дано —
мы из сухой лозы давили бы вино!
И Анки бы птенцы росли в вороньих гнездах,
будь дан насущный хлеб
                    с дыханьем заодно.

Уже сгорел закат, но жар внутри внезапный
мне сердце опалил, и стон исторг надсадный.
Чего мы ждали так — сегодня уж прошло.
Чего же станем ждать,
                    чем жить мы станем — завтра?

Богатства благодать — лишь призрак обладанья.
Пустое — повторять великие прозванья.
За этим всем, увь, лишь бегство от себя,
а ведь себя познать —
                    вот суть существованья.

Не отвернутся там от благонравья,
где мудростью знаток похвастать вправе.
Что пользы в знаньи, ежели оно
теснит добро,
а зло приводит к славе?

В ком верность, о Бедиль, не суть и не основа —
пустые речи вел и повторит их снова.
Кто чтит измлада верности закон —
пожертвует собой, чтобы исполнить слово.

Чернить чистейшего, чтоб после не отмылся —
вот радость зависти и счастье черных мыслей.
Белейшей ваты ком повис под потолком —
и черный дым свечи
к ней тотчас устремился.

Мир этот розни полн — в жару или в остуде.
В нем даже и покой — увы, подобье ртути!..
Волненье в море сем — смятенье наших душ,
и реже жемчуга — добравшийся до сути.

Похмелье — это горечь опьянения,
падение,
что взлету служит тенью.
Лишь недоступность цели жжет сердца,
а лечит их — разумность устремленья.

Лишь сказка —
речь об истине вне нас;
не верь — но слушай, за мечтой гонясь..
Плоть птицы Анка — порожденье слова,
а ведь века
летит о ней рассказ.

О странный мир! Невежд здесь суета тасует,
и мрачен поводьрь, пока медведь танцует.
Где бритва? Эта степь щетиной поросла!
Здесь мудрые молчат, зато невежды судят...

В нас, что ни миг — то обновленья трепет,
и с каждым вздохом новое стареет.
Где уши разума? Мир — только сеть бесед,
он словом держится,
и познает,
и бредит...

«Лишь я,— твердил аскет,— к спасенью путь нашел!»
Шейх в зеркало глядел: «Вот это — хорошо!»
Ну, а безумец наш с себя одежду скинул:
«Бесстрашие души — жить в мире нагишом!»

Сокровищница чар живет в моих напевах:
те, что услышишь впредь,
еще прекрасней первых.
Броди внимательней в саду моих стихов:
что вздох — там новый цвет
и утро, утро в перлах!

Ум, меру чующий, познавший, что и сколько,
шайтана грех постиг, с его дорожкой скользкой:
занесся пред людьми!
За что и осужден
на вечный злобный зуд земного беспокойства...

Частичек малых пыль легко пустить на волю,
но, уплотнясь, они такого не позволят.
Чуть дунув, по ветру пускаешь волосы,
а вместе их сплети —
и вот ковер, иль войлок...

Увы, их никого сегодня с нами нет,
пылинку радости — и ту утратил след.
Согласные во всем, всегда бывали вместе —
и вот по одному исчезли в бездне лет.

Сей мир, что в никуда уходит самотеком,
проходят тысячи, его не видя толком.
Явление Исы, явление махди —
досталось их застать, увы, немногим только!..

Бедиль, нам не к лицу все словеса пустые.
Эмирам похвалы
мы в строки не впустили.
Цель этих бедных строф —
чтоб дружбы жар не стыл,
и старые друзья дружили в прежнем стиле...

Судьба и над скупцом в насмешке зубы скалит.
Когда и для кого мощну развяжет скаред?..
Но вот и он в тоске оставит этот мир —
и остальным его без скаредности дарит.

Кто свой утратил стыд и больше им не скован —
какой в рассудке крен у молодца такого!
Так хвалится ходжа своею бородой,
коль больше ничего не сохранил мужского.

Безумцев пир похож на маски мима —
след разума из песнопений смыло,
все знанья — прочь!

Различья «я» и «мы»
смех наркоманов вычеркнул из мира.

Все беды — от невежества, незнанья,
что мудрость дней, насмешница — не с нами.
К раскаянию знанье не ведет.
Незнанье же — завеса, а не знамя!

Лик молнией сверкнул, завесы сжег пятно,
взор — пламя поселил в холодное вино.
Но локон лег на лоб — и сразу показалось,
что солнце

крышею глухой затенено.

Жизнь наша — вожделений череда:
Симургом муху видим иногда!..
Но ценим счастье жить и воздух безвозмездный...
Все остальное — просто ерунда!

Жизнь — лишь познание бед, раскаянья година!..
Что пользы знать, как все до нас происходило?
Ложь, правда, ад и рай — пустая болтовня:
познать самих себя —
вот воскресенья диво.

В основе винных чар, в основе хмеля — милость!
Мельканье благ и бед, и лет качели — милость!
Нам говорят, что смерть — лишь смена бытия.
Тогда вдвойне та жизнь, что мы имели — милость!

Весь круг щедрот — чужих надежд мишени —
в себе, Бедиль,

не сыщешь ты ужели?..

Урок — незнанью, золото — нужде,
вниманье — младшим, старшему — служенье...

Хоть ведаю, Бедиль, пути к спасенью нет —
пусть шагом, пусть ползком — иди,
вот наш завет!
И, право, чем свершать круги вокруг Каабы,
уж лучше, словно тень —
за человеком вслед!

Шейх, если праведность —
твое и вправду свойство,
что ж бранных благ земных ты набираешь войско?
Здесь, в суете мирской, прищурить бы глаза —
небесный лик узреть, не праздное довольство...

Мир — это только лист из книги человеческой,
а небо — бледный дым жаровни нашей вечной.
Зерно, что родило всю зелень двух миров —
из пазухи людской
под дождь упало вешний...

Кто роскошью былой кичился напоказ,
искрил огнем ума, покуда не погас —
их головы теперь бездумны, как подушки,
в которых и пера исчерпался запас...

Мир — школа бытия, что в битве неослабной
с тоской небытия
свой путь постигло главный.
В нем много дивных див — их чует человек,
как душу пишущих — простой язык калама.

Сегодня, в мире, где первенствуют изьяны,
претят мне эти все подобья обезьяны.
Но завтра, может быть, иной сыщу настрой
и с криком «О Бедиль!»
к ним потянусь из ямы!..

Ты, в чаше ищущий забвения ошибок —
как жаден до вина, хоть во хмелю и жидок!
Должно быть, ты из тех, что в возрасте грудном
орут,
покуда мать не покачет бешика.

Растящие богатство богачи,
когда б вы жребий собственный прочли!..
Свеча ликует, нахлобучив пламя,
хоть шапка эта — гибель для свечи.

О повелитель истинной науки,
ты Анки взлет

вместишь под крылья мухи.

Вся плоть творенья для тебя — одно,
и вся — в твоём дыхании и духе.

Есть что-нибудь у нас, кроме заботы? Нет!
Отрекшись от забот, получим льготы? Нет!
Есть тысячи картин в поверхности зеркальной,
но хоть одной она владеет?..

*Владеет жемчужина? Что ты! Нет...
одной?.. За что ты?*

Смысл многолик, Бедиль, в твоих иносказаньях,
открытых есть дверей немало в этих зданьях.
Пойми и так, и так, но истину мою
тот в доме не запрет,
кто главный выход занял.

Нет мочи не глядеть в два эти глаза милых,
нет речи,

чтоб тебя о ласке не молила.

Ты сетуешь: «Увы, не вспоминал меня...»

Но, милая, ведь я

забыть тебя не в силах!

Хоть алчность, словно страсть, наращивает пыл,
но у души предел все тот же, что и был.
Кто в шахи не попал — тот подается в шейхи:
притворство выручит, где не хватило сил.

Да, заодно с цветком рождаются колючки.
Рост естества таит и неблагополучье.
Вот так и у зубов, что весь нас кормят век:
растут болезненно, и падают —
не лучше...

Не любоваться собственной особой,
забыть себя — о, это дар особый!
Спокойное презренье к зеркалам,
молчанье —
признак мудрости высокой...

Взор распахни — ресницы наготове;
на ровном лбу — изогнутые брови.
Ущербной станет полная луна,
высокое чело — с коленом вровень...

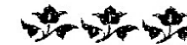

Избранники на высшей из ступенек
дворцом гордятся, славой, кучей денег.
Но глянь, как время им вспахало лбы!
Судьба зазря нам бархат не наденет...

В травинке каждой скрыта прелесть луга,
в крыле — полет, в стреле — упорство лука.
О, не желтей, как поздняя луна:
ключи твои — открытый вход для друга.

Добро содеял — радость полнит соты;
зло сотворил — весь год тревожит что-то...
К чему считать! Еще не Судный день!..
Творите же добро не из расчета.

Что толку спрашивать, где дом моей любви,
укрывший красоту, сужденную судьбою!
Стен в доме солнца — нет!
Лишь частокол ресниц
скрывает этот свет,
пронзающий до боли...

Пойми, Бедиль,
коль жаждешь жить в покое:
другим вредил —
себе ж сулил такое.
Глянь, сколько хрупких, раненых сердец!
Поберегись, не наступи ногою...

В пустейших спорах о добре и зле
мы затеряли истину во мгле.
Во рты нам Анка пуху напихала,
вот и жуем, с усиьем на челе.

Безумье этих лет не по плечу безумцу,
и мудрецы едва ль тут разумом спасутся.
Кто может этим воздухом дышать?..
Конец всему: уму — и безрассудству.

Хоть плоть моя уже на смертной грани —
узка дорога разума и знанья.
Хотя моя мне светит седина —
темно!
А свет свечи непостоянен...

Есть в розе радостной оттенок скорби тыльный,
боль — в суматохе булькнувшей бутылки.
Есть мера времени и шум былых шагов —
в расцветках цветника, что мы не упустили.

Увы! Прошла пора
блаженства и весны,
и старость заползла
по тропкам седины.
И жизнь — как не была!..
Да и была ли вправду?
А если упустил — в том нет
моей вины...

Пойми Н
~~Пойми Н~~
Бедиль, пойми, мечтой к богатству унесен:
Умеренности сень
сулит спокойный сон.
Пуста для подлеца еда великодушья,
но в пище алчности —
стыда едучий сок.

Бездумье наших дней, увы, невыносимо:
все лучшее, что есть, расходует в насилье!
Немужественен дух бессовестных мужей,
хоть титулов мужских немало испросили.

Великодушья — нет. Все души к злу причастны.
Ложь с правдой различать —
вот тоже дар не частый.
Сказали подлецу про все его дела,
а он: «Не каждому
дано такое счастье!»

Кто следствие с поступком ставит в ряд,
те слабым зло без меры не творят.
Беда и зайца учит огрызаться.
Разбей стекло — оно острее стократ.

Воспитывай, Бедиль, и недруга и друга.
Что деспот одинок — в том общих бед порука.
Змея, что кожу сбросила в тиши,
кидается на всех
живой стрелой из лука.

Хозяин рушит дом лишь ради перестройки.
Боль сердца облегчат отчаянные строки.
Огонь былой любви — лишь отраженный свет,
и он уже не жжет, хотя и светит многим...

Летучий блеск волны — вот образ верный слова.
Блеск строгий жемчуга — и это мера слова.
Есть слово — низкий раб,
а есть — всеильный шах...
Терпение и мысль рождают перлы слова.

Хотя б от нищеты пристала к кости кожа —
при всех ты делай вид, что прежний, все такой же!
Пусть о твоей нужде узнает только тот,
чьей помощи просить
ты неизбежно должен.

Скажи мне, о Захид, что ты бормочешь слитно?
И сам не ведаешь, о чем твоя молитва!
Твои «хак! хак!» — без смысла, как «так-так»...
И четки вторят деревянным ритмом.

Я — вздох холодный, больше ничего.
Унынье!

Сердце — зеркало его.
О, вспомни обо мне! Спроси кого-то...
Я ныне — пыль и больше ничего.

*Ну, что же спроси
кого-то...*

Над руюю могил заплачешь поутру ты —
и прозвучит ответ при воскуреньи руть:
«Вот, о несведущий, как нелегка любовь —
спалила нас, а все
горим, как углей груды!»

Коль вложена в тебя к познанию охота,
но чувствуешь в душе от алчной стаи что-то —
запомни: всех жадюг, неведомо для них,
невидима никем — ждет конура Шаддода.

Любой живой узор рожден душой счастливой,
и рай для взора в нем,
коль рассмотреть смогли вы.
Уродство, красота — лишь меры наших глаз.
Предметы ни при чем, коль отраженья кривы.

Желания ужди — и в этом царстве праха
нет нүжды ждать нужды, надеяться на шаха.
Кто знает цену дням, мгновениям, годам —
тот будет тратить их без жадности и страха.

О воделеющий! Отстань от суеты —
и вмиг довольства след на всем увидишь ты.
Ладони жадности, уста своих прошений
захлопни —
и вкусишь от жизни полноты.

Ученый занят муж — хвастливой болтовней.
В Меджнуне пышет страсть — поет о ней одной.
Шуршат часы песочные пустыни.
В разгаре самом пустословья той.

Кто стынет, в одиночество уставясь —
что скопит он?
Отчаяние? Зависть?
Ах, не свети твой лик в моем дому —
весь свет бы умер, дым и чад остались...

На ветках цветника — простор шипам и розам.
Жаль — ты о смысле их не задался вопросом.
Но вникни: и твои
порок и доброта,
как на таком кусте, соединились просто...

Удобней стала жизнь — но тем и шла к упадку.
Зачем нам нег ковер и горы пищи сладкой?..
Торчим мы на пиру подобием свечи,
а уходить пора,
и ждет нас путь негладкий...

Вновь зренья зеркало по землям зелень стелет,
и праздники весны
свидание затеет.
И глаз лучи — зажгут светильник бытия,
и дом мой — солнца дом, забывший о потерях!

О нищая ладонь, орудье попрошайки,
укройся в рукаве одежды этой жалкой!
Едва ты вылезешь — и каждый палец твой
рвет чести воротник
и в стыд кидает жаркий!..

Достоинства цветок — и нищенскую пажить,
и бедный уголок
быть гордыми обяжет.
Ты ж, близостью кичась к блестящему двору,
свое величество
зато забыл уважить!

• Что небосвод с землей сошлись — греха тут нету!
И ты, о прах земной, стремись подняться к небу.
Не дай тебе аллах в беспомощности стыть,
и всю утратить прыть,
и раствориться в недрах...

Перл символа, Бедиль, высверливал ты втайне.
Цветы, что ты взрастил, расхожими не стали.
Для самых стройных строк тьму мыслей огранил,
но суть, что ты постиг — все ж при себе оставил.

Натуры человеческой чародей
умеет в вере утверждать людей.
Приход махди, Исы ли воскресенье —
вторженье в души
молодых идей!

Из милосердия этот мир возник.
Невежество враждой его грязнит.
Но доброта со злобою — соседи:
язык
сухие губы увлажнит.

Ты вырвал корень — сохрани же семя,
в нем и таится корня воскресенье.
Ведь ведаешь, как новое растет,
останками подкормленное всеми.

• Равны у циркуля небес вершина и подножье.
Корона шаха, нищий ковш — почти одно и то же.
Высоких, низких различать — дано очам незрелым.
Подковы тяжесть, гнет ярма — по существу похожи.

Вчера ловил в саду букет мелодий дивный;
всех чище выводил
нарцисс свои мотивы.
И все ж я не постиг, о чем гласили мне
зеленой флейты той отверстием золотые.

Невозмутимость вод
гласит о глубине.
Постиг глубины тот,
кто побывал на дне.
А из кувшинов двух, что из воды выходят,
кто вдвое больше сам — и наберет вдвойне.

Мои стихи, в ста обликах различных,
рождала жизнь во всех ее обличьях,
Не посланы с небес, как Книга Бытия —
а все ж бытуют,
        правду возвеличив...

У истинных мужей — в друзьях неожиданный случай.
Не числят наперед, что хуже, а что лучше,
чем это кончится,
        то приведет куда...
Лишь трус сует в сундук свое благополучье.

Наш от природы дух
        весне весельем равен,
коль сами мы его уныньем не ограбим.
Ведь гладким должен быть для глаженья брусок!
Не то на зеркале оставит цепь царапин...

Один собою горд, другой склониться рад —
не применяйся к ним, не действуй наугад;
в учтивости своей будь с каждым одинаков,
хотя б и разузнал,
        кто нищ, а кто богат.

С колючкою в ноге не совершить прыжок,
нет радости, пока в душе горит ожог,
но выкупить себя ты можешь из неволи
страстей, забот, услад
        откинувши мешок.

Уж коли смысл стиха исчерпало заглавье,
в нем, значит, символ гол,
        как жертва при закланье.
И тайны нет — ни в нем, ни в авторе его,
как в комнате пустой со светлыми углами.

О пьяницы, увы, черны веселья свечи,
и свет исчез в ночи, запить потерю нечем.
Чернеет кофе там, где пенилось вино —
как горький траур по
        веселому предтече.

Страсть и досады дым — все для тебя закрыли,
и мир тебе предстал в каком-то скотском рыле.
Смешались для тебя поступки и слова,
клюв следует хвосту,
        бесплодно бьются крылья...

То в Мекке ты вопил — и полз, как тварь лесная;
то в церкви свечи жег — чтоб о тебе узнали...
О чем-то все молил, ибо ты сам — ничто.
Проклятие твоим и четкам, и зуннару!

Судьба, как пьяный шах, свой помнит путь,
однако,
и метит каждого его законным знаком:
аскета, как скота, за бороду влачит,
зато бокал гуляк передает гулякам.

Владыки в алчности не знают перемены,
их мысли — вечно в той заботе непрерывной.
Как чаша нищего, их ненасытен глаз —
и всех предтеч былых им не страшны примеры.

Вот бытия костер: дрова в нем — ты и я.
В том пламени простом — разгадка бытия.
Иной разгадки нет, это горенье — время,
и дух, как дым, летит, в высоты путь торя...

О нет, дворец владык — не место для почета:
униженных загон, не ведающих счета!
Кто жаждет в уважении прожить —
подальше будь от этой свалки скотной.

Простим другим метаний их зигзаги,
и тем себе
покой добудем сами.
Ведь завистью блаженства не достичь:
не зря шайтан томился в райском саде!

Во мраке сей степи, ристалища земного,
все, кто куда, ушли —
и не вернулись снова.
И впредь, как ты и я, все будут уходить —
и пропадать во мгле, не вымолвив ни слова.

Одни всё жизни ждали, думали — а зря!
Другие от страстей безумели — и зря!
Припасов не скопив себе на путь грядущий,
и жили на земле, и умерли — зазря!

Те в пляс пускаются — в час получения чина;
тех — благо оценить несчастье научило...
Павлин же счастлив, свой увидев хвост —
ему другая ни к чему причина!

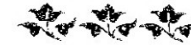
На сцене дней одни терпенье чтут благое,
другие же — не раз коня страстей загонят.
Но чтобы различить, ищи под внешним суть:
ведь мужество — одно, а борода — другое.

Шагает караван и тащит груз стремлений.
Везде — следы труда и отрицанье лени.
С налету совершенства не достичь:
луна, круглясь, проходит все ступени...

Хоть редки благородные средь нас,
как в небесах Иса и на земле Ильяс,
не выйдут и они из жизненного круга,
как муравей, попавший в полный таз.

Есть океан людской, без берегов, без края,
где кровь сердец бурлит, а не вода морская.
И эта кровь легко прожгла бы и скалу,
когда б позволили,
на волю выпуская...

Несчетно волн морских рассыплется, покуда
жемчужины одной
на дне созреет чудо.
Немало лет своих истратит человек,
пока добро души добудет из-под спуда.

С тех пор, как ремесло
свой жар разжечь сумело —
для пользы всех людей усилий не жалело.
И мастер истинный так с неучем не схож,
как сталь дамасская и ржавое железо.

Что я с тобой в разлуке, дорогая,
напрасно все вокруг предполагали.
Хоть тень далеко падает от нас —
а все же остается под ногами.

Коль вороха вещей, пусть даже самых лучших,
в подол твоей души вцепились, как колючки,
сорви их, сбрось их все —

от них лишь пыль да боль!
Не то застрянешь в их сетях паучьих...

Здесь верности никто и знать не хочет,
ложь и бездушье истину порочат.
Мир, что утратил меру для добра,
едва ль оценит

строгость этих строчек.

О, как опять сады сегодня посвежели!
Но вера и мечты — исчезло все ужели?..
И в скорбном сердце память о тебе —
как в зеркале разбитом отраженье.

Горсть грязных гордецов,
что губит все вокруг —
для них весь вес добра,

что тополиный пух!..
К основе бытия они ничуть не ближе,
чем к сути книги украшенья букв.

Надменным — власть подай,
и лести звон, и золото,
а к прочему всему — в них глухота измлада.
О высшем благе речь такому — все равно,
что дивной песни звук —
набившим в уши вату.

Богач по смерти обретает кару:
придавлен камнем!

Как добит ударом...

А нищие уходят мудрецы —
надгробья их из ласковой чинары.

Коль щедрость для тебя
свою расстелит скатерть —
пусть жадность на тебя неожиданно не накатит.
Есть в доброй зависти начало добрых дел,
а зависть черная — беда, коли охватит.

Есть мера для всего —
для душ, для дел, для русел.

Дорогу расширял — зато посевы сужил.
И если дал ногтям излишне отрасти —
сломаются они, но не развяжут узел.

Завистников толпой ты выше горла сыт.
Беги же: ведь давно от мерзости тошнит.
Пусть вывернет тебя, как от нечистой пищи,
и вновь ты обретешь здоровый дух и вид.

Богач, что тратиться решил не напоказ,
когда грозила смерть лишить его богатств —
чуть минула гроза, пересчитал убытки
и возопил:

«О рок, ты всю мошну растря!»

Раздора волосок, противоречий лживых —
нарушит связей нить,

что мир насквозь прошила.

Полкапли уксуса погубят молоко,
которое могло

наполнить сто кувшинов.

Мир этот — не таков, чтоб за него страдать.
Иной, загробный мир — сознанию не под стать.
Как все это назвать?

Кошмарным сновиденьем!

Не знаешь, что страшней:

проснуться или спать...

Звездой себе кажись иль рыбой в водной глади,
превыше царств земных

и царств небесных, кстати —
опомнившись, увидишь: тот же ты,
все в той же мгле,

под гнетом той же клади...

Аскет, что притязал на власть в миру и вере,
ссылался без конца на силу омовенья.

А сам-то: борода да длинный хвост чалмы...

И грязен,

как козел на привязи у двери!

В честь песни, говорят, очнулся мир от сна,
и радость сквозь туман

блеснула, как блесна...

Но это — болтовня воображенья:

ты улыбнулась — и пришла весна!

Речь только о тебе мой чуткий слух стерег,
я видел лишь тебя за пылью всех дорог,
везде я падал ниц, где мне твой облик мнился...
Но поднялся, взглянул — а это твой порог.

Покуда кто-то рад с тобою встрече каждой,
и даже дом его тебе об этом скажет —
не заставляй их ждать!

Чтобы сердце клочки
не бились на ветру горящею бумажкой.

Вчера нам шах велел: «Ходите без бород!»
Сегодня приказал другой наоборот.
Но волосы растут не по велению шахов!
Родится все само...

Хоть не без них умрет.

Старайся мир хранить со всеми, кто кругом,
не скатывай обид в тугой и страшный ком.
И если не сумел врага ты сделать другом,
добейся хоть того, чтоб друг не стал врагом.

Душа кровоточит, а нужного итога
все не достигли мы: измучились — и только.
Считаем четки дней, мозоли на ногах,
а к цели путь далек, и длится он без толку...

Кто человеком был — тому я верный раб;
кто порче и парче ни разу не был рад,
взял на себя вину — но клевету не сеял,
сам прахом стать готов — не принести утрат.

Хоть все стучат сердца — по-разному болят.
У всякой головы — на все особый взгляд.
Как знать, что вызвенит вся эта цепь мирская?..
Но каждое звено
на свой звенело лад.

Тот скромник средь бесед —
как жар стиха раздует!
Как, кровью омочив, бутоны роз бинтует!
Богиню слов не просто побороть,
но тут само дыхание колдует.

Кто бросил край родной, тому уже едва ли
найти себе иной и в самой дальней дали.
Так искры от копыт, как ни ловите их,
погаснут все равно:
огня б они не дали.

В котле с тухлятиной — и свежее протухнет.
Встань честный с подлецом —
        куда вся честность ухнет!
Сто лет гори огонь, но стоит только раз
водой его залить — и навсегда потухнет.

Друзья-противники,
        что в рабстве друг у друга
и общею навек повязаны порукой,
расставшись хоть на миг, друг друга — ну чернить!..
Как будто для того
        им и нужна разлука!..

Ты знания целый мир в чертоги ввел пустые,
и к совершенству путь
        пешком прошел не ты ли?..
Но чтоб уметь писать так мощно, как Бедиль,
имей стальной калам, чернила золотые.

Как жаль, что наш мулла затеять вздумал диспут!
Невежества печать сам на себе оттиснул.
Ученый неуч наш, чуть знаньем хвастать стал,
как тотчас показал себя невеждой истым...

Тепло нам с теми, чья верна рука,
в ком пламень милосердия сверкал.
Но ждать от душ холодных добронравья —
как запаха от мерзлого цветка.

Покой у нас имеет смерти вид,
здесь радость — редкость, горе не дивит,
и лечат молоком новорожденных —
так этот воздух жизни ядовит.

Красавицы — Татара, Рума, Чина —
свет этой жизни, радости причина.
Фарангиянку видел —
        ада дочь,
а рай в себе блаженно заключила...

И тень колючих трав средь выжженной земли —
все для Меджнуна дом его Лейли.
Так поклонитесь любящим могилам:
то небом было,
        что теперь в пыли.

Вслед стрелам слов твоих летит петля безумья,
и дразнит всех твой смех

с беспечным видом в сумме.

О, научись молчать! Подкинешь горсть земли —
в лицо тебе потом

пуд пыли ветер сунет.

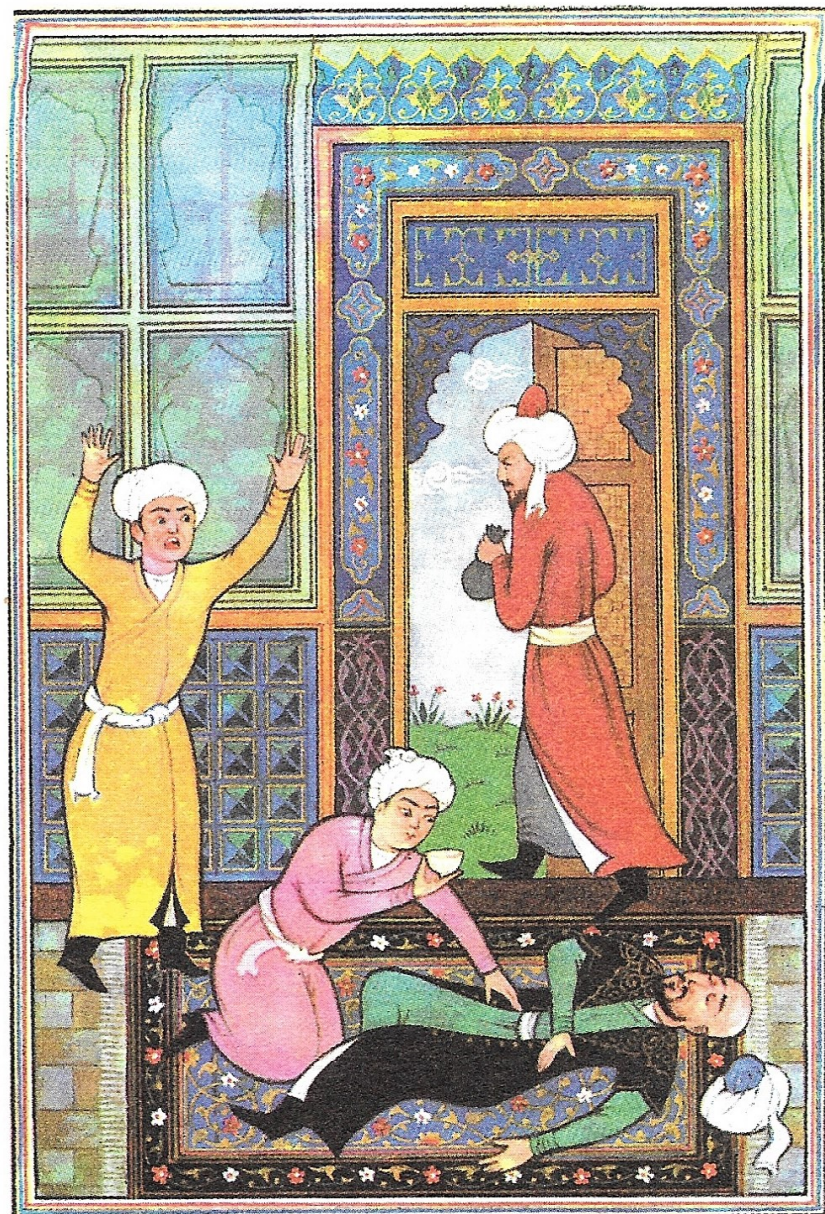
Как капельки дождя, пред взором слезы пляшут,
и вздохи над душой, точь-в-точь стрекозы,
пляшут.

Но вспомню о тебе — и духом воспарю,
а имя вымолвлю — язык мой косный пляшет...

Твердят, что и луна, мол, тоже не без пятен,
но смысл этих слов не каждому понятен:
иметь своим подножьем черноту —
самим светилам

этот жребий даден.

Давно ли нас пленял и чанг, и звонкий най,
дарили радости и лето и весна?..
Согнулся стан, зима, пора не петь, а думать!
И опустел бокал, и требует вина...

Легко ль нам алчности глушить лихую речь,
бесплодно от нее

и дух и плоть беречь?..

Богатства груз стряхнем с плеча великодушья!

Хоть кое-чем притом

придется пренебречь...

В сей кузне мира, в пламенном горниле
порывы духа многое творили!

Будь общей целью связаны — давно б
небесный рай

на землю водворили...

Покуда в истине

сомненья есть окно —

к мечетям и к церквям оно устремлено.

Но днем вокруг свечи рой мотыльков не кружит!..

Днем, когда свет и истина — одно.

Чтобы ошибок рой вослед не воспарил,
ты должен быть правдив во всем, что говорил.
Не зря ж тебе, раскрыв божественные крылья,
суть вечную раскрыл

архангел Гавриил.

Кто сон и кушанья
счел главным в жизни краткой —
такой не нужен нам,
он хуже лихорадки!
Такого не пронять, не ухватить ничем —
а в битве ни к чему мечи без рукоятки.

Упрямство глупое дает плоды сторицей,
и умный в глупости такой не повторится.
В надменности пустой — надменному беда:
кто разожжет огонь — тот сам и загорится.

Любая злоба вред несла неизгладимый,
но злоба умного особенно вредила.
Позволь начать коптить ярчайшей из лампад —
и будет дым ее
черней любого дыма.

Чтоб этот мир стоял — и крепче во сто крат,
соединили сто открытий и преград.
Не стоит горевать при каждом затрудненье:
есть к каждой двери ключ,
что отыскаться рад!

Сегодня, когда чуть не все пошли в поэты,
попробуй истинных
в толпе увидеть этой!
Мир гложет от стихов.. Поэзия сама
себя не узнает по собственным приметам.

Стыд — благородства знак —
редчает год от года:
не может видеть он столь голого расчета!
А здесь добро и зло равно обнажены.
Служить им зеркалом — постыдная работа.

Глупец, что никаких умений не постиг,
старается зато отшлифовать язык.
Так в лампе масляной, где масло на исходе,
фитиль вытягивают, что ни миг!

Учтивости не жди от тех сынов бесчестья,
что зло с невежеством соединили вместе:
кто станет придавать особый блеск и вид
мечу,
что предназначен лишь для мести?

Горсть подлецов, изнывших от безделья,
мой дух рассорить с жизнью захотели.
Но чем я чаще вижу ту толпу,
тем тверже душу
укрепляю в теле!

То бремя, что взвалил на плечи небосвод,
тащили мы всю жизнь, свалили у ворот.
Так пламя вниз сползет владеющим натеком,
что на плечи себе
свеча в ночи берет.

Безумья и ума — все узы мне известны.
И рвет нутро души
вздых боли бессловесный.
Мотив раскаянья выводит бытие,
но кто мне жизнь скроил
столь тягостной и тесной?

О Индия! О пламень без остуды!
Явила нам ты всех красавиц чудо.
Смуглянке каждой не зажечь сердец.
Лейли, Лейли,
и ты была отсюда...

В сомнения мои скользнула скорбь, тиха:
я вечных ценностей напевы услышал.
И руки я сложил, которые свернули
миров обоих скудный дастархан.

Мир портится. Перевелись мужчины,
что злое от добра бы отличили.
Воистину собрание слепых!
Стань мы сурьмой,
мы б их не излечили...

От стольких розней женщины вдовели,
о скольких кознях трубы ни ревели!
Проклятие любой из прочих вер —
краеугольный камень в каждой вере.

В ком сохранился стыд — окаменеет тот,
кого душа толпы презреньем оболет.
Так, обнаружив холодность природы,
вода немедля превратится в лед.

Пришла любимая — и отняла мой разум.
Я был сражен, пленен и отдан в рабство разом.
Мог многое сказать, но вместо жалких слов
пал ниц пред ней, готов
    ко всем пяти намазам...

Когда еще я зла осмыслить не умел
и верил в двух миров торжественный пример,
не мог я и понять, как тесно в этой клетке —
поскольку крыльев сам
    покуда не имел...

Коль власти подлецов
    джигит стряхнуть не может —
его, презренного, презренье женщин сглохнет.
Так лев, что под началом у собак,
покрыт позором даже среди кошек.

Вор признает вину — бесстыдных смех берет.
Шутить при виде зла? О нет, наоборот!
Вдвойне позор тому, кто на пороки мира
готов закрыть глаза,
    зато разинуть рот.

Унизил жадностью ты сам свою природу:
счастливый гороскоп тебе сулили годы,
ты ж исказил его таблицей прошлых лет!..
Пошел на службу к злу
    и поклонился гнету.

Всем, кто презрел народ, считая свысока,
что доля бедняков законно не гладка,
кто, пышностью пленясь, топтал наряд суровый —
всем
    оторвали глотку от глотка.

Пусть руки у тебя дрожат, как ветки ивы —
скорбь старости сноси достойно, терпеливо,
чтобы потом твоя седая борода
метлой чужих жилищ не сделалась пугливой.

Возвысьте подлеца до шахского дворца —
не сходит гордый дух в ничтожные сердца.
А головы глупцов — как старые мозоли:
торчат, а пользы нет,
    лишь ноют без конца.

Беседе — ночь, прогулке — утр прохлада,
настрой струны — для песенного лада.
Рубины губ и старость ввергнут в страсть!
А ей всего-то
                    молочка и надо.

Глупцам, что оказались на виду,
подчас и счастье принесет беду.
Как пламя — щепкам,
                    дуракам удача;
коснется — спáлит, кинет в пустоту...

Нет, веер притязаний — не престиж:
лишь всем вокруг надменностью претишь.
Но вихрю не сорвать удобренную почву,
и важным чином
                    мудрых не прельстишь.

У тех, кому везде и всюду спутник — честь,
защита и в беде и в пошлых буднях есть.
Кто под ноги глядит — вздымает меньше пыли:
глаз вовремя пошлет
                    спасительную весть.

Нет, воля внешняя, что душу разрушала,
не сделала б из нас ни дервиша, ни шаха.
Наш вычертило путь, пятнало дней листы
дыханье бытия,
                    что нам принадлежало.

Бедиль, как жажда жгла от юности безусой!
И воздержанья жар нам сделался обузой.
И, скручиваясь, нить вязала узелки —
и превратила их в мучительные узы.

Нет, жадность, о, Бедиль,
                    отнюдь не стала робкой,
желания свои не затыкает пробкой.
Ей сколько ни давай, она все ест и ест,
а рот ее — все пуст,
                    как мельницы воронка.

Копите, о друзья, свет мудрости бесстрастный
и на похоронах не плачьте понапрасну.
Вдали от милой я... Живу — но это смерть!
Вот здесь свой ливень слез
                    и проливайте сразу.

С надеждой подышать
я нынче вышел в сад:
бутонов падишах —
тюльпан ловил мой взгляд!
И опалил нарцисс... Под осень этой жизни
я снова, как Меджнун, всей красотой объят.

Я сад — с цветами я
тебе устрою встречу.
Я — море:
покажу немало дивных речек.
О тайн взыскующий!
Во мне немало тайн.
Разгадки хочешь знать? Спроси — и я отвечу.

Морская капелька, что попусту летела,
меж створок очутясь, жемчужиной твердела.
Что слово? Только вздох... Но, обретая лад,
уходит в вечность
Валом Искандера!

Сейчас, когда мужи, увы, на баб похожи,
а женщин мужество сама эпоха множит —
давно пора учиться молодцам
рожать детей, да и кормить их тоже.

Уж если небосвод назвал кого султаном —
пред ним учтивый тон отбросить было б странно.
Хоть пышный Фараон не страшен был Мусе —
пред ним он сохранил учтивость без изъяна.

То выйти жаждешь в сад, то прогуляться в рощах,
то рыщешь сердцем там,
то здесь душою ропщешь.
Но все желанное в одно соедини —
и обретешь покой...
И так — верней и проще.

Хоть в нищенские вы облачены одежды —
но в этот мир пришли с самих вершин надежды!
Друг друга милуйте... Вы были в небесах,
теперь во прахе вы, но сами-то — все те же.

Столь множатся и шейхи, и аскеты —
доверье к вере подрывает это!
Вот так и деньги падают в цене
из-за обилья порченой монеты.

Ты знаешь, почему собрались все
вот эти чалмоносцы — в медресе?..
Чтоб быть ослом, нужны седло и сбруя,
здесь —

лишь чалма во всей своей красе!

Придет свободный день — и в рай бы напрямиком
полюбоваться дивным цветником.
А чадный ад, с его огнем и дымом,
сгодился бы, как трубка с табаком!

В саду, где сто цветов явили нам чело,
где столько тайных слов для нас изречено,
где улыбнулся тот,
а этот рвал свой ворот —
прошли мы, не поняв, что, как и отчего...

Об камень — голсу, и сердца стон в груди,
нога израна, ни тени впереди.
Так далеко от всех,
так до тебя далеко...
Увы, что делать мне —
как быть, куда идти?

Коль мудрость — вот наш вождь,
чего же ищем всюду,
и рыщем, и горим от внутреннего зуда?
Ведь есть же истина в дыхании самом,
которая рассудку неподсудна!

Всю правду высказать богач старался чутко,
а вышла у него — бессмысленная шутка.
Хотел вздохнуть от полноты души,
смог лишь рыгнуть от полноты желудка.

Кровоточил мой вздох, а крикнуть я не смог!
Горячей жажды жар от скорбных дум не смолк.
Жизнь примерещилась — иль протекла бесследно,
никто мне объяснить загадку ту не смог...

Бедиль, о чем поешь вот в этих рубай?
Как всюду, с правдой ложь
в них длят свои бои.
Иные — зеркала, где пери отразились,
иные — сети сплошь: безумья рыбаки.

Был глас мне: «О Бедиль, ужель в вине и пенье
вины ты увидел высокие ступени?
О трус и малонер! Боишься ль ты греха
иль недооценил всевышнее терпенье?»

Всем чистым — с подлецом дела иметь несладко:
их свойства победит бесстыдная повадка.
Смешайте вина: муть — не прояснить,
а чистому — не избежать осадка.

Одна толпа людей на знанья тратит пыл,
другую — блеск богатств измлада ослепил.
Ведет их лестница в чертог воображенья:
кто выше поднялся — тот больше накопил.

Одни в мечтах — средь благ иного мира:
их завтрашняя пища накормила!..
Другим, кому здесь мило все, что есть —
подчас лишь то, что можно есть,
и мило.

Лишь о тебе мечта в сердечных тайниках.
У скорби под крылом — все не очнусь никак.
И если бранный прах мой по ветру рассеют —
пыль глаз моих
к твоим помчит на ветерках!

Суть постигают через то, что видят:
мираж отринешь — явь на волю выйдет.
То молвил Абу-Бакр, то совершил Али..
Пыль времени,
что ветер с нас не вытер!

Уйти б от скорби, что скопил нам опыт —
она порой в отчаянии топит!
Пока поем — не слушает никто.
Едва уснем —
нас, спящих, спеть торопят.

Уроки чтения нам в тишине приятны,
а с розой и вином — вдвойне, втройне приятны.
Едва ли без вина забыться можно так,
чтоб сказка перед сном —
сбылась во сне приятном...

Богач кричит о том, что всюду сыплет золото;
шейх — святости товар дарует таровато.
А я — бесплодный куст, цветущий в цветнике,
и ждите от меня всего лишь аромата.

Кто извлекал урок из красоты и скверны,
кто сжатым держит рот и глаз имеет верный,
согласны все,
    что проклят этот мир,
где в рабстве — верность,
    ложь — в чести безмерной.

Подлец, что книгу святости листает,
быть подлецом при том не перестанет.
Неряху омовеньем не спасешь.
Пес вымокший — грязнее вдвое станет.

Бедиль, ты всех бранишь, смеешься — неужели
ты не страшишься сам
    насмешек стать мишенью?
Нет!.. Но прошу, аллах, коль дашь мне урожай,
пусть в нем ни зернышка не будет одолженья.

Уходят мудрецы — и плачет почитатель,
припоминая дни
    живой их благодати.

Поэты сходят в гроб — и плачет их калам
слезами черными на белые тетради...

Как верилось иным, по дивным описаньям,
в блаженную страну, где дух и плоть спасали!
Но видели в конце: везде — небытие...
И в саван заворачивались сами.

Снег седины, в обличьи света некоем,
лег на меня и смерть придвинул к векам.
Оставь, чудак, надежды на тепло:
зола костра — и та теперь под снегом.

Достигнешь ли чего своим стараньем
    ты,
что душу застудил близ вечной теплоты?..
Знак мудрости — на всем,
    старайся только видеть.
Что вышло из зерна — все принесет плоды.

Наследникам своим, пирующим на тризнах,
не оставляй богатств — нечестной жизни признак,
а только имя доброе свое,
что, как в репьях, не ходит в укоризнах.

Нет розы без шипов в саду мирского бденья.
Где счастье без утрат и взлеты без паденья?
Сокровища хранит бессонная змея,
и яд ее —
в конце любого наслажденья.

Те темные сердца, в беспечности постыдной,
прожили до конца, но света не постигли.
Хоть в саванах ты их за жертвы принимал,
но угольями там легли они простыми.

Ну, вот, о вздох, ты грудь мою сотряс,
и стон из сердца вырвался хоть раз,
и ты, слеза —
ты пролилась над прахом,
покинула пустыню этих глаз.

Луч истины в своем явлении одинаков,
но в сотне разных глаз
рождает сотню знаков.
Рубин или хрусталь — одна и та же грань,
а солнце в них горит по-разному, однако.

Кому знаком покой и суть его сродни —
тот избегает всякой болтовни.
Коль ровно дышит грудь — и сердце ровно бьется.
А в ранах жемчуга —
лишь нить его вини!

— Бедиль, в твоих стихах, среди цветущих роз,
бессмыслицы сорняк
то там, то тут возрос...
— А разве нет в стихах чувствительного тела,
бесчувственных ногтей, бесчувственных волос?..

Дала судьба не зря нам стражу на границе:
для речи — сжатость губ,
для зрения — ресницы...
Зря губы разомкнул — рискуешь головой!
Зря поглядел —
гляди, чтоб сердцу не казниться...

Чтоб накормить живот, не сделались, однако,
осел — слугой осла,

рабыней пса — собака.
Поработить подобного себе
лишь человек и посчитал за благо.

Подчас хвастун, что уличен во вздоре,
противный довод принимает в споре.
Так прячется под вражеским крылом
петух бойцовый,

побежденный в поле...

Аскет, о райских позабудь садах,
иной урок душе своей задав.
Не кары людям предрекай за гробом,
а милость бога — призывай сюда.

Торопишься под бременем забот —
зайди взглянуть

на сей могильный свод:
его жилец спешил на этом свете,
чтоб горсткой праха
перебраться в тот.

Когда воистину безвестности ты ищешь —
с могильщиком своди знакомство на кладбище.
А если склонен к славе и молве —
подход ищи
к эмирскому жилищу.

Позорно в доле быть в делах нечистой власти —
несчастливого лишать его ничтожной части.
Уж лучше с голоду подохнуть самому,
чем зернышко урвать
из муравьиной пасти.

Старайся, чтобы здесь, среди житейской пыли,
остался добрый след, а зло твое забыли.
Горсть острых камешков рассыплешь на пути —
и бед они ногам

доставят в изобилье.

Друзья, разлуки знающие бремя!
Когда настанет встречи повторенье,
оплачете не горечи разлук,
а общих дней утраченное время...

Могучих, ясных дум и страсти неустанной
искать в людишках мелких —

было б странно.

На мелководье жемчуг не найдешь:
его отчизна — глуби океана.

Пока года сгоняют цвет с лица —
ум полнят знаньем, горечью — сердца.
Неопытным скорбь мира непонятна,
так темнота не трогает слепца.

В людской натуре алчность, злоба, зависть
так угнездились, на чужое зарясь,
что даже из могил ползут они назад,
змеею, пауком
в живую плоть вгрызаясь...

Что власть? Или почет?

Пустых зарниц миганье.

Вы видели, коль в суть вещей вникали:
и здесь, как в циркуле, бывали много раз
то ноги — головой,

то голова — ногами...

Твой взлет сегодня — это не навек:
в изменчивой неразберихе вех
пыль из-под ног —

на голову садится,
меняются местами низ и верх.

Явился к лекарю какой-то из невеж:

— Страдаю животом, нет мочи, хоть зарежь —
чего ни съем, переварить не в силах...
— А ты сперва свари, а после — ешь.

Хоть мои слезы повергались ниц —
не вышли из положенных границ;
как четки на своей извечной нити,
из-под своих не выбрались ресниц.

Чего-то люди нынче недоели —
ни веры в них, ни чести, ни доверья...
Они — как клетки шахматной доски:
дома без стен, без кровли и без двери.

Не нам носить, Бедиль, постыдную суму.
Сочти, что нужно сердцу и уму:
на свете все ждут помощи другого,
хоть ты
себе помог бы самому!

Наставник, не являй своих напрасных чар:
свой холод не вливай в наш неостывший жар.
В горячее стекло лить вина ледяные —
нет, что ни говори, опасный это дар.

Основы в мире нет, крепленья для струны.
Закрыт для доброты предел любой страны.
С того и струны все настроены на низость,
и тень не падает
ни от какой стены.

Властитель, не спеши
стать бедному врагом.
Надежда юная, не спорь со стариком.
Вот фараон Мусу не оценил достойно —
и был повергнут в прах,
и посрамлен вдогон.

Сегодня в медресе не спорят, не кричат:
на доме болтовни — молчания печать.
Бессмыслицы приют — в тупом оцепененьи,
и глупости — как нет,
пока муллы молчат.

Вот праздник для души, для глаза и для слуха.
И радость плещется
в мерцаньи красок луга.
Смотри, какой в дому у нас сегодня свет:
возлюбленная к нам пожелует подруга!

Богатства ли искал, любви менял личины —
пылал и пламенел ты здесь
не без причины:
Не вспыхнут просто так ни хворост, ни фитиль,
пока горячей к ним не поднесут лучины.

Я с пиршества ушел, а там — все брага бродит,
и чаша пенная опять по кругу ходит,
опять звенит в ушах разбитая бутылка:
свершившееся —
вновь как будто происходит.

Что я? Лишь вздох великого дыханья.
Ничем не чванясь, ничего не хая,
трудяга мира —

иго зол и благ
тащу весь век... Вдохну — и отдыхаю...

Бедиль, в дому души и на просторах тела —
где что ни делалось, все цель свою имело.
Что ж до меня, так я —

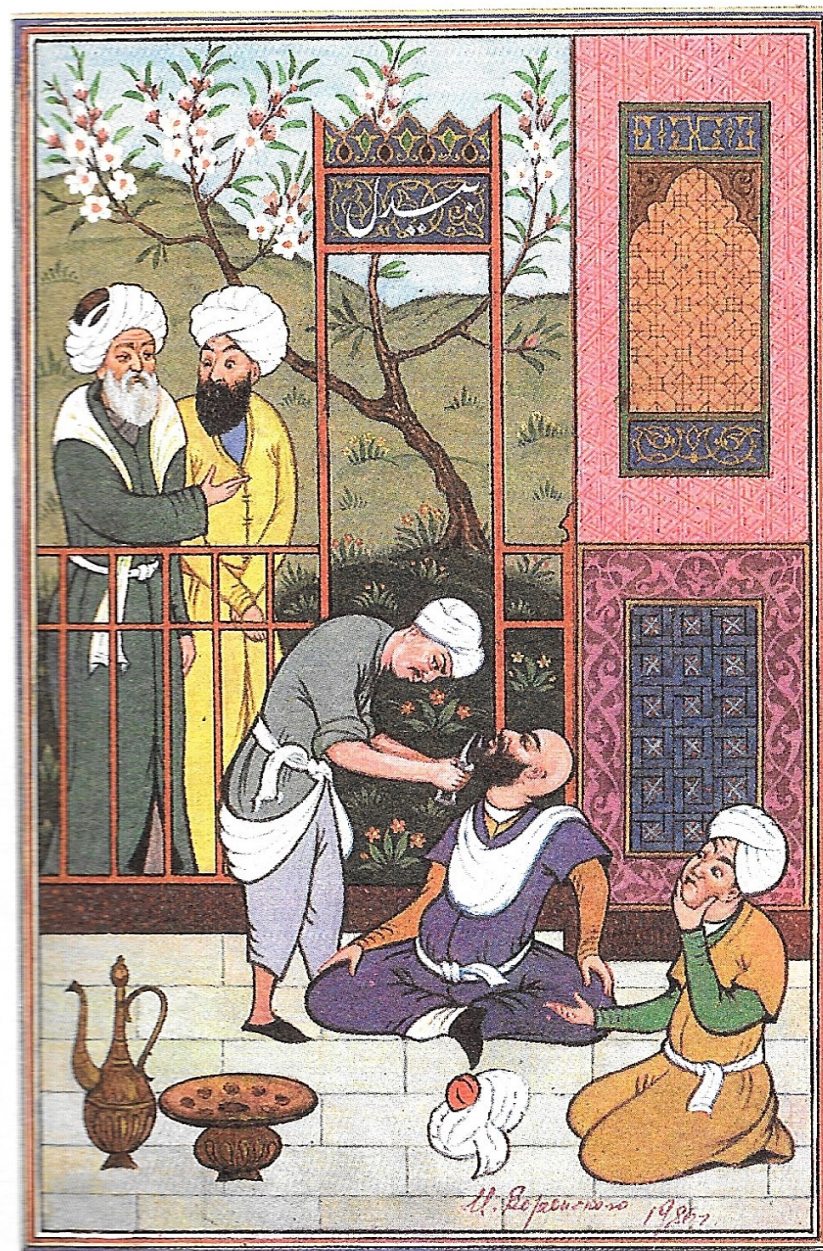
простой гранильщик слов,
дыханью моему доступней нету дела.

Пока ты чувствуешь и свет и дух земной,
тебя не иссушит богатства жадный зной.
Как хною ты ни мажь чувствительную кожу —
лишь ногти, волосы

ты и окрасишь хной.

Вдоль окоема циркуль дня маячит.
Крив небосвод, как фокусника ящик.
Ждет лишь слепец от круга прямизны,
но есть тут все же

тайна и для зрячих...

В сем мире, вывернутом наизнанку,
в других не суть мы видим, а приманку.
И тайну мухи Анке не постичь,
и муха тоже не постигнет Анку...

Вот праздник и пришел —
расцвет настал весенний,
и, кажется, любовь садами правит всеми.
И каждый из цветов, какие я видал,
дарил себя тебе,
к твоей стремился сени...

Сознания перо, строчишь ты очень мило,
вот лишь бы пустотой страниц не начинило!
И, если стыд хранишь,
о солнце не пиши,
себя макая в черные чернила...

О вечности миров все спорите в натуге,
о скудные умы, ничтожные природы!
Но спора глупостью —
небес не обвели,
и знаний жалкостью людей вы не надули.

Взмечтала о чинах, лезть выше начала —
опомнись, голова, ведь ты же не чалма!
Кто на волос сперва к такой игре пристанет —
медведем обрстет,
от пяток до чела!

В сем мире, где ничто без риска не затеешь —
равно настороже живут и шах и дервиш.
И лишь безумец бьет о стену головой,
но безрассудства путь
приводит нас к беде лишь...

Все в этом мире тайн, и богатей и нищий,
что искры истины в камнях дороги ищут,
сперва полны огня, пылают, как костер —
и стынут под конец
золотом на пепелище.

Как чан с вином — храни броженья дух сторукий
и будь снаружи сух, скрывай свои заслуги.
А чтобы речь людей не причиняла боль —
как винная бутылка, имей затычку в ухе.

Раздавлен бытием!
Столь рано угодил
меж крайностей его — меж пламени и льдин...
Ведь смолоду таким огнем дышало сердце,
что до сих пор еще
его глотаю дым.

Ты, что за знания собой платить готов —
пыль не спеши глотать с бесчисленных листов:
из рубаи моих познаешь безвозмездно
всю правду мудрецов и опытность годов.

От центра Индии до самого Мульгана,
и в рубежах чужих, от Язда до Кашана —
в любом из городов встречала нас сперва
ограда кладбища,
а после — шум майдана.

Властитель и бедняк — все этот мир постылый
желаний миражем завесить попустили.
С того и не нашел источник Искандер,
что в зеркале искал,
а не в самой пустыне.

Для нищих, для владык — один мотив навязчив:
урвать, повыше влезть,

к своей усладе вящей.

Но лестницы любой двойка высота:

одна — ползущим вверх,

другая — вниз скользящим.

Стократно тем хвала, что обрели почтенье
к пути любой из вер,

всех лиц, народов смене.

В дороге каждой лучший наш припас —
поклон всему, подобно мудрой тени.

Суть этой книги всей и каждого листочка,
что всякая строка к своей стремится точке.

А этих точек дождь стремится в океан,

а тот, из капель весь —

опять рождает строчки!

О, сколько должен был творец истратить света,
чтоб меру слепоты любой из нас изведаль!

И сколько мы одежд прошьем иглой ума,

чтоб, наконец, постичь, как наги в мире этом!

Что медленно растет — прочнее прочих станет.

Терпение и взлет — не поменять местами.

Но мысль, что сердце зодчего зажгла,

краеугольным камнем ляжет в зданье.

О пальма разума, не стань вратами ада,
плодами алчности довольствоваться рада.

Хоть даром небеса поят тебя водой —

все ж воду добывай

из черных недр сада.

Пусть лишь самим собой тиран на троне занят,
все ж собственной судьбы он наперед не знает.

Хоть видел много раз:

покуда точат меч,

точильщику, увы, он руку разрезает...

Не спрашивай владык о тяжести венца,

о тайных язвах власти и дворца.

Коли венец свечи с нее не сбросит ветер —

она под ним сгорит,

истает до конца.

Когда бы сердца стон,
        столь жгучий здесь для слуха,
я океану мог вложить в тугое ухо —
у плавающих рыб затлела б чешуя,
и вся эта уха забулькала бы глухо.

Постигни этот мир — не чванься в упоенье
успеха своего высокою ступенью.
Сегодня тень на все ложится от стены,
а завтра след стены
        другой сотрется тенью!

Ключ разума, гроза любых замочных скважин,
у собственных дверей отнюдь не столь отважен.
Ведь и рука любой развяжет узелок,
кроме того, что мы
        на ней самой завяжем.

Немало здесь таких, что у зеркальной глади
достоинства свои
        часами числить рады.
И мы — недаром здесь! Но в глубине стекла
душ наших и ума
        не отразятся клады...

Вращается незримо небосвод,
нет праздности под гладью тихих вод,
невидимо становится рубином
недвижный камень в глубине пород.

Хвалиться щедростью — поступок неопрятный.
Коль хочешь одарить — так одари, обрадуй.
Но, принеся дары, напоминать о них! —
Да это все равно, что требовать обратно.

Бедиль, пусть ты близнец покорности,
        и пусть
из скромности избрал услужливости путь,
пусть в кузне, где твою выковывают душу,
нельзя всевышним стать —
        но человеком будь!

Бедиль, ты сам с собой — постыдно одинок,
груз одиночества не снять ни на денек.
Один ли я такой в подлунном этом мире,
кому
        быть одному
        навек роком предрек?

Не думай, что за жизнь мы только брюху платим,
не чванься счетом блюд или роскошным платьем!
Чем больше привлечем внимание других,
тем больше мы притом
самих себя утратим.

Кто добронравьем истым наделен —
ни в чем идти не станет напролом,
и то, что можно совершить с улыбкой,
не делает с наморщенным челом.

Пусть почва пыльная — ковер на ней расстелен.
И пыль пускать в глаза гордыней и бездельем —
постыдный это грех, чем он ни порожден,
хоть глупостью лихой,
хоть неумным хмелем.

Кто подлость не считал действительным пороком —
останется навек у мира за порогом.
Но красота, что покоряет мир —
вот вечный образец, не тронутый упреком...

Пусть высшие посты приманивают душу —
а все ж от просьб простых
не затыкайте уши.
Так раковина, что жемчужину таит,
лежит себе в песке среди простых ракушек...

Каабой иль крестом себе мы облик лепим;
то во дворцах живем,
то где-нибудь с отребьем...
Безумье кончится — когда сомкнем глаза:
все тысячи волос один расчесет гребень.

То гонимся за призраком богатств,
то вволю пьем, кутим не напоказ...
Мы — из земли и в землю вновь вернемся,
нам лишь на ней и погулять хоть раз!

Всю жизнь мы проучились в медресе,
шли к знанию по узенькой стезе...
Но зеркалом обзавелись однажды —
премудрости в нем отыскивали все!

Когда кабацкий дух души затычку вынул
я веру потерял и в угол ум задвинул.
И с кем бы ни сидел — подлаживался к нему:
так и бутылка цвет перенимает винный.

В Каабе и в церквях, души поддавшись страху,
бесстрашно губят плоть, как старую рубаху!
И все, кто накопил терпения мошну,
о камни трутся лбом
и припадают к праху...

От сада здешнего не жди, Бедиль, услады:
тюльпаны — кубок свой наполнить кровью рады,
жасмин и кипарис — по щиколку в грязи,
в бутоны смолоду заложен яд утраты...

Весь век тоска любви —
о той лишь в нашем сердце,
чью власть едва ли чем
оспоришь в нашем сердце.
Всю эту жизнь сидим с ней рядом на пиру,
и хоть в руках — бокал,
но горечь — в нашем сердце...

Едва лишь — оглядеть окрестные места —
на крышу поднялась прекраснейшая та,
от зависти луна на небе похудела,
а солнце
под землей укрылось от стыда.

Здесь радости услад —
в соседстве с крышкой гроба;
смущение таят беспечности покровы.
И угля черноту скрывает за собой
пылающий в печи цветок огня багровый.

От всякой страсти жертвенностью веет.
В конце — любое зеркало ржавеет.
Но всяк ли камень высечет огонь,
любая ли душа
в любовь поверит?

Кто Знание законченным представит?
Ум не вмещает всех его пристанищ.
Но скольких глаз ни озарит любовь —
любого сердца
для нее достанет!

Не те, что с ближним разделяют блага —
о щедрости вопит

один лишь скряга!
Сам — в золоте, и ест на серебре,
а все боится обеднеть, бедняга...

Доколе медлить в мире удрученном,
печалась то о белом, то о черном?
О ты, кого покуда в мире нет,
будь веселей,

не следуя ни в чем нам...

«Присяды!

Доколе эта беготня
и Судный день посередине дня?..
Присядь, довольно!» — говорит Колючка,
которою проколота ступня.

Как ни коверкай фраз и мысли ни калечь,
неведжд в одежды знания не облечь.
Неведенья ж покой — загублен полузнаньем,
и лишь уносит сон пустая эта речь.

Речь о себе начав, подумать не мешало б!..
Нагрудный амулет, моих не выдай жалоб.
Не открывай другим беды в моей груди,
не то предстану им, беспомощен и жалок...

О плод мой скороспелый, не старей.
О сад былых напевов, не старей!
Ты, вечная тревога обновленья,
и ты одной из первых —
не старей...

Нейдет для бус нескрученная нить;
струн не коснувшись, звук не оценить;
без фитиля свеча светить не будет;
водой с рубином — кровь не заменить...

Вода идет в моря по вечным речкам душ.
Приходит в степь весна — из человечьих душ.
Так и великих строк высокое звучанье
порождено, Бедиль, волненьем вечным душ...

Свой крокодил — в любой воде текущей,
и тигр свой — в любой чащобной гуще.
Не буйствуй над согбенною спиной:
она — как лук,
        свою стрелу несущий!

Оценишь ли сердца, пока из их глубин
не хлынет кровь рекой, краснея, как рубин?..
Не всякой капле стать жемчужиною в море,
рубинами не быть
        каменьям гор любим.

У богачей, нас блеском покоривших,
яд себялюбья с губ незримо брызжет.
И ожидать нам помощи от них —
как доброй тени от далекой крыши.

Хулу не возводи, смесь правды и вранья,
и зависть тетивой не напрягай, кляня.
Уж лучше свой язык обугли головешкой,
чем в чей-то дом чужой
        кидать язык огня.

В час сладкой встречи — грудь разлукою полна;
подъемлешь кубок — и не отопьешь вина...
Вокруг, в частице каждой — капля солнца,
но если слеп ты — не его вина.

Кто ты сейчас ни есть, султан или мирза,
сам пуст —
        так хоть не множь пустые словеса.
Хоть ты и нынче прах, которым станешь завтра —
накличешь то в лицо,
        что скажут за глаза.

Ни добрый гороскоп, ни веры луч бесспорный
скитаниям моим благой не сыщут формы.
Чтоб этих жгучих бед нарисовать портрет,
быть должен влажным холст,
        а кисть — огнеупорной.

Сыщите, слезы, путь на улицу любимой.
Глаза, глядите вслед красе неколебимой.
Как корчится мой стон,
        когда столь стройный стан,
прямее, чем алиф, она пронесит мимо...

Обломками луны, погибшей от любви,
осколки зеркала у ног моих легли.

И слово донеслось:

«Вот — кладбище надменных,
глядевшихся в меня, пока звались людьми...»

Для твердого душой — обманы не по росту,
что ж нюхать зеркало, хоть в нем и видишь розу?..
Водою сказочной нам не омыть лица,
волшебным волоском не отвести угрозу.

За зло — награда злом,
за благо — блага медом:
на это у судьбы отлично глаз наметан.
Пока имеешь власть — не притесняй других,
чтоб в немощи потом
не изнывать под гнетом...

Что выскользнет из рук —
мирской поток утешит..
Пускай упреком друг неожиданно озадачит,
пусть трудности сносить не остается сил —
не жди наград с небес
и от судьбы подачек.

К чему болтать, Бедиль, о верах, городах,
о том, где зло цветет, где правит доброта...
Ты сам корнями здесь, всей сутью ты — отсюда,
и этого не скрыть до Страшного суда.

Пусть деспот натянул кровавые одежды,
чтоб запугать тебя, оставить без надежды —
ты страх свой победы, с жестоким будь жесток,
железу отвечай
железом острым тем же.

Где город твой ни есть, Сови или Ганджа —
на бога уповай, в руках себя держи.
Неверующий, верь:
нет следствий без причины,
как резаного мяса — без ножа.

О да, Ходжа, не зря сегодня ты не в духе,
но гласу совести
оставь местечко в слухе.
И если кто из слуг сегодня согрешил —
ты прежние его не забывай заслуги.

С приходом седины уже я прежним не был,
и в мире суеты напитков неги не пил.
Коль сломано крыло — похорони полет.
Урок для пламени — остывший этот пепел.

Я поседел, сомненьям вновь не внемлю,
желаний чашу расколел о землю.
Идет рассвет, слабеет свет свечи,
фитиль его поддерживает еле...

Хоть старость провела грабительский набег —
и силу отняла, и стойкость против бед —
останусь для друзей ходячим поученьем:
как дружбы соблюдать торжественный обет.

Бедиль, мы близимся к обители последней.
Кончается полет, на крыльях виснут сплетни,
желанья, как свеча, слабеют пред зарей,
слезинки ж на очах — все чаще, все заметней.

Хоть нас к небытию и приближает старость,
от урожаяев всех — лишь горсть седины осталась,
но гаснущий огонь все светит угольком,
а пена горестей белеет, разрастаясь...

Все слезы льешь, сдержать, Бедиль, их нечем.
Уже твой дух дорогою отмечен.
Хотя разлука с каждым — навсегда,
зато напев прощанья долговечен.

Я старость запустил — наверно, потому
так высох сам я весь, а слезы — не уйму.
И брови, загустев, повисли над глазами,
как кровля в покосившемся дому.

Сад, чтобы дать плоды, осыпать должен цвет.
Свеча должна сгореть, другим давая свет.
Чтоб славу заслужить —

всю жизнь истратить надо...
Но ты живи, Бедиль, как будто смерти нет.

Ушли, но весь наш вес — вот, в отпечатке стоп.
Мы — прах, но жив наш вздох и шевелит листом.
Нас погребли в земле, но на могильном камне
остался след души, заgrabной рифмы стон.

Бегущий век, что сгинет, в бездну канув —
лишь миг меж двух безмолвных океанов.
Таинственна недолгость бытия,
что вечности дарует великанов!

Пахлаван Махмуд

(1247—1326)

Автор предисловия и составитель
А. Наумов

Пахлаван Махмуд родился в 1247 году. По преданию, это произошло в воротах Хивы, в повозке его отца — переселенца из Гурганджа, старой столицы Хорезма, разрушенной монголами и окончательно обезлюдевшей после ухода переменившей русло Амударьи. Махмуд унаследовал от отца мастерскую и ремесло скорняка. Кроме того, он был профессиональным пахлаваном — борцом, выступавшим на состязаниях. Известна легенда о том, что Махмуд ездил на такие состязания в Индию, а победив на них, вместо подарка потребовал от местного правителя освободить хорезмийских пленных или рабов. Другое предание говорит, что однажды в трудную для Хивы минуту Махмуд возглавил народное ополчение, давшее отпор врагу.

Вообще с именем Махмуда связывают в Хиве многое: один из магистральных ирригационных каналов Хорезма, якобы прорытый им собственноручно, постройку шахидмазара, якобы возведенного Махмудом в память погибших за родину... Умер Махмуд в 1326 году. Считается, что он был похоронен у порога своей мастерской; место это несколько столетий оставалось для хивинцев священным. В начале XIX века по приказу хана Мухаммада Рагима II, большого поклонника поэзии Махмуда, здесь была воздвигнута замечательной красоты усыпальница. Мусульманское духовенство давно провозгласило Махмуда святым, в Хиве он долгое время почитался как святой покровитель города.

В последние годы, в связи с обнаружением ряда исторических данных, была выдвинута гипотеза о том, что Махмуд был одним из руководителей разветвленного

Я не сгорю в огне, в плавильне печи жаркой:
я золото, а не медь под позолотой жалкой.
Я солнца яркий луч — не блеклый блеск луны,
не тусклый, в пятнах, таз, начищенный служанкой.

О сердце, не мечтай о шелковых одеждах
и тех, что на тебе,
не рви в пустых надеждах.
Коль хочешь жить легко, так блеском взор не тешь
и прихотям чужим не следуй безудержно.

Мы веселы — и день нам не приносит горя.
И, получив одно, не жаждем взять другое.
Не морщим утром лоб: а будет ли обед?..
Не просим — и дано нам щедрою рукою.

Неспешно жизнь прожить иль вечно торопясь;
халат из шелка шить, носить ли вечно бязь —
не все ль равно? Глупец
слывет недолго мудрым...
Но горе чистому, затоптанному в грязи!

Есть время — с мудрецом за чашей посиди,
с прекраснейшей лицом, сладчайшей посиди.
Нет тех, и нет других — не трать досуг напрасно:
один — не будь глупцом! — за чашей посиди.

Все спутники мои взирают свысока —
как царственный букет на венчик василька!..
Беседы я веду лишь со своею тенью —
как мальчик с зеркалом,
как с берегом река.

Мне пыль чужих шагов на сердце не садится.
Обид не наношу
и не спешу сердиться.
От ложной гордости судьбою я далек;
зато в самом себе
мне нечего стыдиться!

О, если хочешь стать и вправду падишахом,
так будь слугой для всех!
Стелись, как след за шагом!
Чтоб стать короною, носимой на челе,
водою будь для рук
и под ногами прахом.

Гордишься пышностью?

Но доберись до сути:
ведь горькое горчит и в золотом сосуде!
Богатство — не навек. Оседлан смерти конь —
и всадник начеку.

Он не по платью судит...

Два черных глаза, близкие соседи,
меня спросили: «В чьи попал ты сети?»
Я зеркало им показал в ответ:
вот ловчие,
хитрейшие на свете!

Издали узрел смешливых губ изгиб —
и сделался рабом, для вольности погиб!
Рай счастья отведен для подданных свободы,
я ж рабству рад — пока
тут нет рабов других!

В очах твоих чары всех в мире чарующих глаз.
И в музыке страсти они — как чарующий саз.
И птицы сердец, словно рыбы на удочке ловкой,
на нитях кудрей твоих

висли и гибли не раз.

Спросил красавицу: «Что цедишь ты слова?
Одно другому вслед скользит едва-едва...»
Ответила:

«Смотри, как мал мой ротик алый:
в нем слово помещу, но уж никак не два...»

Сладкогласая птица, кокетством отчаянным чьим
эта бровь обратилась
в жестокий силок для мужчин —
рот улыбкою занят, лишь родинка для поцелуя! —
чем, когда, отвечай,
зачерствелое сердце смягчим?

Твой локон с презреньем глядит на красавиц Китая,
а очи —
несчастных губили подряд, не считая.
Коль в час воскресенья аллах твое встретит лицо,
искусство свое
он твоими восславит чертами!

Все, что оком желанья я в мире увижу —
цветнику этой пери даровано свыше!
Кровь из чаши разлуки, что выпита мной, —
цвета губ этих,
к небу подвешенных вишен...

Порой клянусь: покончено с любовью —
с потерями, печалью и болью.
Но где-то мимо девушка пройдет —
и на безумство вновь готов любое.

О сердце, ты само себя в страдальцы прочишь,
безумством собственным свой краткий век порочишь.
Ты ищешь каждый день из тысячи одну —
и вечно новую!

Она ж — не лучше прочих...

Итог свиданий — горшая разлука.
Из всех страданий горшее — разлука.
Душе и телу разлучиться — смерть.
Так и с тобой нам тоже:
смерть — разлука.

Разлуки не снеся, я жизнь пресек — о горе!
И имя слез моих ты позабыла вскоре.
Разлуку смертью я задумал победить,
но сделалась она
стократ страшней — о горе!

Ты умерла... В слезах и ночью я и денно.
Ужель весна в цвету и траур не надела?!
И мог ли Азраил бестрепетно украсть
такую душу из такого тела?

О мир в тумане слез! И смерть, пока тянула
свой меч к тебе — сама в тумане том тонула.
И не прошел никто, кто не сказал бы здесь:
«Какая красота навек во тьме уснула!»

Любовь — что за пламя, вовек не дающее дыма!
Печаль — что за песня, без звука идущая мимо!
Желание — суть, что отсутствует, жар, что не жжет!
О видимость счастья —
невидима, необходима...

Пусть минет глаз дурной ее хмельные взоры,
не тронет сладких уст горчайший вкус позора.
Всевышнего прошу: да сжалится над ней
и стройный стан бедой
согнет, как лук — не скоро!

Ищу любимую в сиреновом дыму.
Где улица ее и дверь в ее дому?
Хайяма я хмельней, и винными парами
и самый ад, ей-ей, до неба подыму.

Частицы мира все — из сердца мудреца,
из чьих-то щек и губ, истлевших до конца.
И розам на кусте, и гиацинту с грядки
дан запах чьих-то кос и чей-то цвет лица.

Раз праздник подошел, любое дело — благо.
И у саки с утра прозрачна в чаше влага.
Молитвы позабудь, постылый пост нарушь —
пока плохого нет, к чему нам эта плаха?

В рассветный час росой
полны тюльпанов чаши,
и тихий птичий стон ловлю я прозвучавший:
«Вставайте... налегите под землей!
Наш — только час. Не упускайте часа!»

О друг, не будем жить ненаступившим днем.
Сочтем за лучший — миг, в котором мы живем.
Ведь завтра — уходить!

Хоть, может, рядом ляжем,
но так семь тысяч лет и пролежим молчком...

Нас убила любовь, она сделалась нашей могилой.
Нас беда породила — немилых на родине милой.
Вон твой рай, о аскет!

А для нас, для хмельных соловьев,
ад, как сад, расцветет
на пределе подлунного мира.

Мы выпили так, что алмаз уже красен, как лал,
и в страхе кричит нам «Довольно!» усталый бокал.
Вино к нам нейдет — мы к нему отправляемся сами
и, хум оседлав, полным жаром прохладный подвал.

Белой розы лицо еще в маске тумана покуда.
В пыльном сердце еще только жажда дурмана покуда.
Ах, не спи, о краса, ведь рассвет не окрасил сады!
Это время вина, а для сна — еще рано покуда.

Мы свободны от пут, нас в стенаниях не уличали,
хоть вкушаем, как все, ежедневную пищу печали.
Ибо трезвости нам неизвестен ни запах, ни вкус —
и глаза веселы, что свидания нам назначали.

Роза в руках и в ушах — ликованье бокала...
Ведь от такого любая беда убегала.
В облачной сени, усталый, присев у реки,
пей, коль подносят!

Сие нас пока не пугало...

Сладко жить близ любимой, в томленьи и нежном пылу.
Ветер гладит поля, как атласного платья полу.
Это счастья весна, это наша пора, поспешите!
А другая придет — нас не будет на этом пиру.

Я нарушил обеты — пошли в утешенье вино,
чтобы душу мою разрешило от ноши оно.
Потуши мой пожар! Эту чашу наполни скорее,
дай хотя бы воды,

коль вина уж найти не дано.

Есть лишь одно из двух — приказывать или слушать,
быть властью или тем, кто этой власти служит.
Как зла ни сторонись — ты рядом с ним живешь.
Быть сильным — хорошо. Быть беззаботным — лучше.

Нищий дервиш о людях заботится больше, чем шах:
что прошел и услышал — осталось в душе и ушах.
Если трещины в стенах — торопятся дом перестроить.
Если трещина в сердце — весь мир переделать спешат!

Я в слово влюблен — и таких же влюбленных ищу,
чтоб в душах затеплить высокого чуда свечу.
Вы чуете смысл, но высокое таинство слова
немногим покуда по сердцу,
да и по плечу.

О сердце, я не враг тебе, ведь я не твой язык.
Кинжал, назначенный тебе, мою же грудь пронзит.
И все ж я вечно не могу стоять на карауле
и забыть твою хранить от всех — от тех, от сих...

Эти точки в тетради — не сердца ль сгоревшего пепел?
Все, что тут я писал, я ночной темнотою пометил.
Что мне черные очи? И что мне упреки свечи,
если светоч мой — разум,
и дух, как светильники, светят?

Взгляну, открыв глаза,— нахмуренные брови,
печаль со всех сторон, страданье в каждом слове.
А посмотрю ли вниз — и в зеркале колен
согбенного себя увидеть мне не внове.

В земле, на небесах — совсем не стало соли.
Источник ли иссяк — так-сяк — не стало соли!
Слеза не солон... да это ж кровь из глаз!
Ну, время... Видит всяк: и в соли — нету соли.

И полено, и уд — оба нынче в единой цене.
И Халил и Нимвруд — оба нынче в единой цене.
Заложило ль вам золотом уши, что вопль ослиный
с тем, что пел вам Дауд,— тоже нынче в единой цене?

Уж коли путь твой крив, беда — идущим прямо,
о небо наших дней, ничтожного оправа!
Так: мудрецы в пыли, глупцы вознесены...
Господь, испепели,
низвергни мир неправый!

Кто мог нам парой стать — тот не был в мире дан нам.
А здесь и преданный — с предательским приданым.
Закону верности нет верных на земле —
в дому заблудших душ, среди детей Адама.

Чтоб быть навеселе — отпей чуть-чуть, глоточек.
А будешь не в себе — слезой источит очи!
Вот так и брага лет: чуть пригубил — хорош.
А если дальше пьешь — уже и жить не хочешь...

Очистив медный лист от пятен и от ссадин,
до блеска зеркало отшлифовал я за день.
И, глянув, все свои увидел в нем грехи!
И о чужих забыл... а был до них так жаден.

Господь, не оставляй бесплодным жизни древо,
не дай мне опьянеть от зависти и гнева
и под чужим ярмом заветные года
бесплодно раскидать направо иль налево.

Простые камни лжеалмазов лучше.
Рассвета луч — ночных намазов лучше.
Коль хочешь в рай пройти через Сират —
дай людям хлеб:
        он всех наказов лучше.

Булыжник не сверкнет, как лазурит,
и полночь солнцем нас не озарит.
Не ожидай от богача напрасно,
что он себя для бедных разорит.

Ходжа, к чему считать богатство — высшим саном,
и весь свой век мечтать — и все о том же самом?
Один лишь саван нам достанется в конце!
И долго ль он еще прослужит, этот саван?..

О господи, даруй и сил и воли полной,
чтоб милости властей мне не были опорой.
Твоею милостью я дожил до седин —
не дай же им служить
        мишенью шутки подлой!

Пустыней бытия, о друг, идти нам трудно.
Остановиться вдруг на полпути — нам трудно.
Твердим: «Во всем, во всем
        твой промысел, аллах!..»
Но в этом всем, ей-ей, его найти нам трудно.

Мое сознание — тюльпан с сожженной сердцевинкой.
Уста бутона — глубь очей — омыты влагой винной.
И чаша сердца слез полна — заполнена до края!
И в каждом ухе —
        всех земных страданий половина.

Уйти из мира прочь — невыразимо жаль.
Терзать в нем дух и плоть — невыразимо жаль.
Пускай в саду небес срезают розу солнца:
кому их в дар ни прочь —
        срезать бутоны жаль!

Убого я живу, несчастьем покоренный —
как этот черный ствол, давно лишенный кроны.
Корона на челе, быть может, и легка,
но тяжести чела не облегчит корона.

Да, ночь беременна, но что она родит?
Теченье времени во что нас превратит?
Что было до сих пор — мы знаем. Что же дальше?
Мир повторяет все — но нас не повторит.

Так рыдал я вчера — и душа посветлела от слез.
Низвергались они, как янтарные градины с лоз.
Словно смыло всю пыль с помутненного зеркала сердца,
или празднество ливня
над полем сухим пронеслось.

Кто близорук душой — с таким общаться худо.
Провидец — как алмаз среди земного люда.
Путь к лучшему искать напрасно без любви.
Гончар в уме у нас, когда в руках посуда.

Если разум — арык в саду, ты — живая вода в арыке.
Если есть у вселенной лик — ты румянец на этом лике.
Испариться тебе нельзя предрассветной росой с роз
ты душа всех цветов в саду,
плоть и запах любой былинки.

Тебя — не каждому понять, лишь тем, кто светел духом.
Пускай любовь моя к тебе покажется недугом —
мне принесет она позор, тебя ж — не осрамит...
Ведь все хвалы мои тебе,
как мне — комар над ухом!

Я выбрал этот путь! С него сойду ли я?..
Ты сыплешь груды слов, внушая и моля.
Но сбрызни слез дождем сухую эту почву:
ведь дарит аромат лишь влажная земля!

Победить свои страсти — вот это высокая доблесть.
Не согнуться в несчастье — и это высокая доблесть.
Но упавших топтать — в этом, право же, доблести нет:
проявить к ним участие — вот это высокая доблесть!

Где честных кров — могильная плита,
где прячет злость улыбка в пол-лица,
быть верным псом у верного — почетней,
чем первым слыть лицом у подлеца.

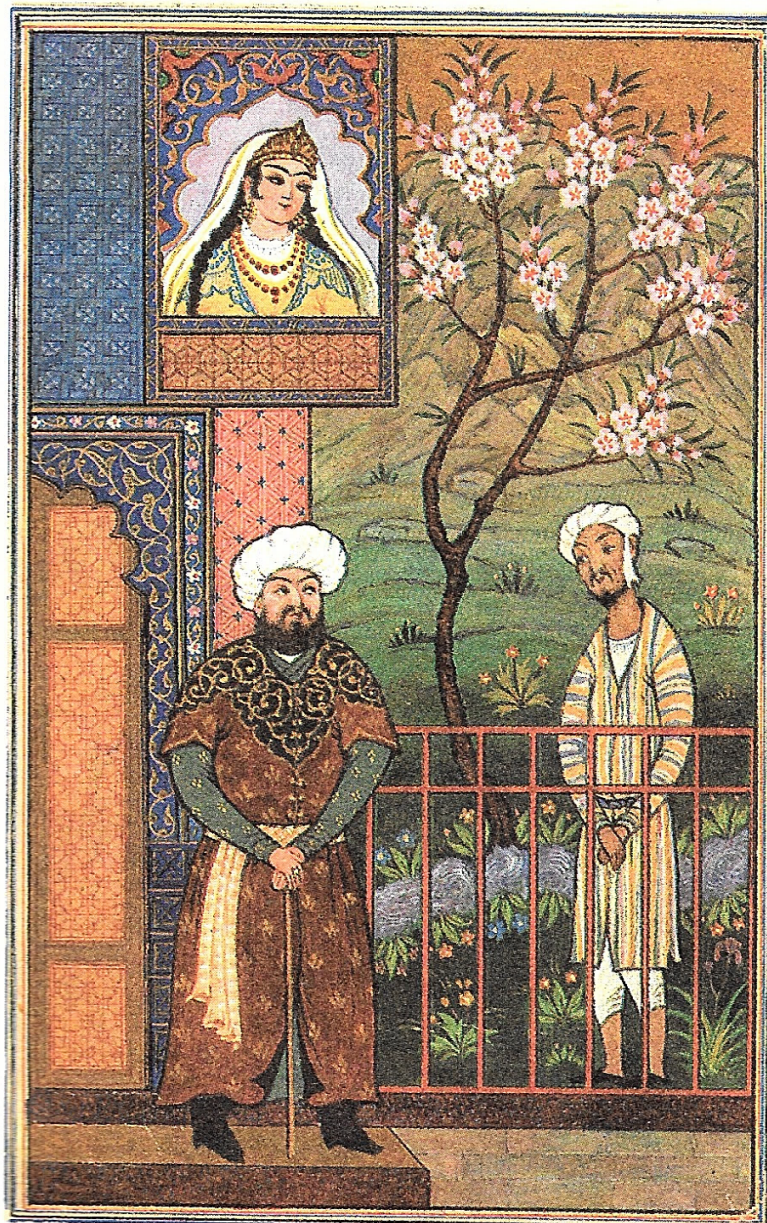
Небо, нет во мне воли, на пламени боли калимой.
Пыль на зеркале сердца, и путь остается недлинной.
Ты усилий не трать, переделать не пробуй меня:
глину сколько ни мой, она так и останется глиной.

Хочу я узнать, что мне предначертано роком!
Когда ж вопрошу судьбу, что стоит за порогом?
Иль грудь мне рассечь —
и в сердце к себе заглянуть?
Там дней моих ток
кровавым струится потоком.

Раскрыв тетрадь души, как розы оперенье,
на ветер пыль стряхну, отброшу буден бремя.
Но разум и душа — песочные часы,
где пепел наших лет пересыпает время.

В этом мареве мира дивимся, как встарь:
этот свод полукруглый — вселенский фонарь!
Эти куколки — мы под стеклом закругленным.
И светила фитиль, и привычная гарь...

Так темен свет в душе — кладбищем сад поник,
и розовый бутон — как вздувшийся гнойник.
Коль пересолен суп — не скажешь, что без соли,
что ж пресен я и жгуч в один и тот же миг?

Безумия кинжал на пояс мы нацепим,
но жизни острие — на знание нацелим.
О да, я раб небес, дыханье — цепь моя,
но землю я познал,
и только этим ценен.

Хоть будь сильней слона — живи скромнее мыши.
Хоть стань богаче всех — садись всех нищих ниже!
И не считай грехи в чужой живой душе,
а если услышал — прикинься, что не слышал.

Разбился солнца круг об острый край земли,
и жаркой крови дня потоки потекли.
И скрыла лик луна, Зухра остригла косы,
и в траур ночь-вдову поспешно облекли.

Я за дни воздержанья остался без сил и без соли,
вкус к посту потерял, вкуса пищи не чувствую боле.
Воды дней протекли да и вымыли вкус из всего,
ветер дунул вослед, выдул вкус наслажденья и боли...

Мудрости мед добывал. Не было дня или года,
чтоб меня не добывал
бранью и домыслом сброда.
Злобные осы толпы жалят на каждом шагу!..
Все оттого, что несую сладкую капельку меда.

От смерти нет лекарств. И что пред ней законы?
И дервиш, и султан — ей все равно покорны.
Пусть Кермоншах скормил себе Кермон —
полям Кермона сам он служит кормом!

Я видел спящих на земной постели
и тех, что спят в земле, чьи ложа опустели.
А сколько есть других во тьме небытия!
Тех, что придут еще,
тех, что давно истлели...

Кто мир моей души поднимет из руин?
Постигнет груз грехов — и сделает своим?
Ко многим славным я паломничал могилам.
Придет ли кто к моей,
скажи, о Азраил?

В час суетный, в жару, рискни в тени усесться
и в гаме рыночном свое послушать сердце.
Немытый раб, к святыне прикоснись
и, смертный, с вечностью
на миг вступи в соседство...

Не знал мой бедный дух ни радости, ни грез,
свободы от забот, от горя и угроз.
Что пользы? Жизнь моя, такая дорогая,
бесплодно пронеслась,
пропала ни за грош!

Начала не вернуть, коль до конца ты дожил.
«Сколь горек этот путь!» — твердишь себе, итожа.
Сто лет живи — и все же встретишь смерть.
Сто стран пройди — и всюду встретишь то же.

Мы с верой шли сквозь мир —
и все же в малой мере
мир плоти в мир души
преобразить сумели.
Все семь десятков лет я думаю о том!
В испуге мы пришли, уйдем в недоуменье...

В последний час земли не с ангела, не с черта,
а с бедных смертных — с нас потребуют отчета!
Но им ведь все дано... а мы — что мы могли?
Прости, о судия,
но здесь неладно что-то.

Создавший воды, твердь, вселенной карусель,
и сердце, что несет печать печали всей,
и лалы сладких губ, и локонов спирали —
зачем ты все укрыл землю черной сей?..

Стихи, на злобный мир мы с вами не похожи.
И к тем, кто нас хулит, добры мы будем тоже.
Коль ветку гнут плоды, так ей не до обид,
хотя б и камнем их старался сбить прохожий.

Глянь на дорогу: путники ушли.
Все сверстники и спутники ушли.
Путь опустел; все близкие — далеко...
Пора идти, а спутники ушли.

- Абу-Бакр** — один из первых преемников пророка Мухаммеда.
- Азраил** — ангел смерти.
- Али** — зять и преемник пророка Мухаммеда, один из так называемых «праведных имамов».
- Анка** — мифическая птица громадных размеров.
- Бешик** — колыбель.
- Дэвы** — мифические существа, наделенные сверхъестественной силой.
- Зуннар** — пояс, который обязаны были носить в мусульманских странах все немусульмане.
- Зухра** — восточное название планеты Венера, которая на востоке считалась покровительницей музыки.
- Иса** — Иисус Христос, в исламе почитается как один из пророков, явившихся в мир до Мухаммеда.
- Искандер** — Александр Македонский; по восточным поверьям, владел зеркалом, в котором мог увидеть весь мир. Источник, о котором идет речь в рубаи, — это источник живой воды, дарующий бессмертие; был открыт и охранялся Хызром, святым покровителем пустыни.
- Кермон** — в оригинале непереводаемая игра слов: Кермон — область в Иране и кермон (на языке фарси) — черви.
- Кыбла** — направление в сторону Мекки и Каабы, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы.
- Кяфир** — неверный, немусульманин.
- Лал** — рубин; яхонт.

- Махди** — боговдохновенный вождь ислама; на протяжении многовековой исламской истории многие предводители мусульман объявляли себя «махди».
- Муса** — библейский Моисей; отстаивал права своего народа перед египетским фараоном.
- Намаз** — ежедневная пятикратная молитва, обязательная для мусульманина.
- Пери** — мифическое существо, представляемое в образе прекрасной женщины.
- Рум** — западные европейские страны.
- Сакки** — виночерпий.
- Симург** — мифическая громадная птица.
- Сират** — в мусульманской мифологии тонкий, как волос, и острый, как серп, мост над адской бездной, ведущий в рай; перейти его могут лишь праведники.
- Уд** — лира, арфа.
- Фарангианка** — европейская женщина.
- Хадж** — паломничество в Мекку.
- Хум** — большой глиняный кувшин.
- Шаддод** — легендарный богач, кончивший дни в жестокой нищете.
- Чин** — Китай.
- Юсуф** — см. «Якуб».
- Якуб** — библейский Иаков; по преданию, ослеп от слез, оплакивая исчезнувшего любимого сына Юсуфа (Иосифа); принесенную ему одежду Юсуфа узнал по запаху.

СОДЕРЖАНИЕ

Бедиль

Автор предисловия *А. Наумов*
Составители *Ш. Шамухамедов*

7

Пахлаван Махмуд

Автор предисловия и составитель
А. Наумов

117

МИРЗА АБДУЛКАДИР БЕДИЛЬ
ПАХЛАВАН МАХМУД

РУБАИ

Перевод с фарси

Рецензенты *Н. Камиров, Н. Малахов*

Редакторы *А. ЛИПКИНА, Л. КАЗАКОВА*
Художественный редактор *А. БОБРОВ*
Технический редактор *М. МИРРАДЖАБОВ*
Корректор *Т. КРАСИЛЬНИКОВА*

ИБ № 3902

Сдано в набор 14.05.87. Подписано в печать 23.09.87. Формат
70 × 90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-оттисков 28,52. Уч.-изд. л. 4,44.
Тираж 100 000. Заказ № 1026. Цена ~~300~~ 3 р.
Договор № 23—87.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент — 700129, ул. Навои, 30.

Бедиль, Пахлаван Махмуд.

**Рубаи /Пер. с фарси А. Наумова.—Т.:
Изд-во лит. и искусства, 1991.—160 с.**

В этой книге читатель встретится с двумя замечательными персоязычными мастерами жанра рубаи.

Мирза Абдулкадир Бедиль, один из величайших поэтов Востока, жил и творил в Индии в эпоху Великих Моголов. Он оставил около четырех тысяч рубаи, с лучшими из которых русский читатель познакомится здесь впервые.

Рубайят выдающегося хивинского поэта XIII—XIV вв. Пахлавана Махмуда представляет собой как бы авторскую исповедь, «историю души» замечательного человека, широко известного на Востоке. Большая часть рубайята Махмуда уже известна русскому читателю.

Как и все большие поэты, эти мастера поднимали коренные вопросы бытия, и потому многие их стихи кажутся написанными не столетия назад, а вчера или сегодня.